

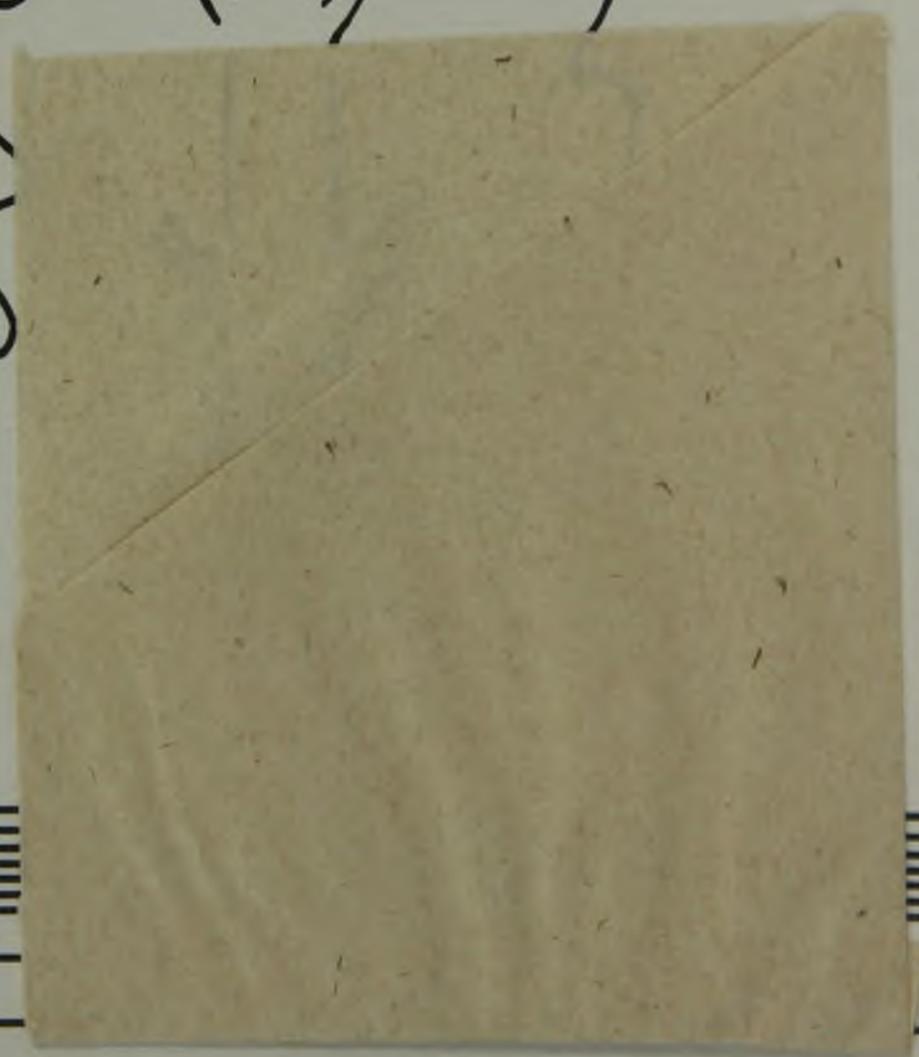
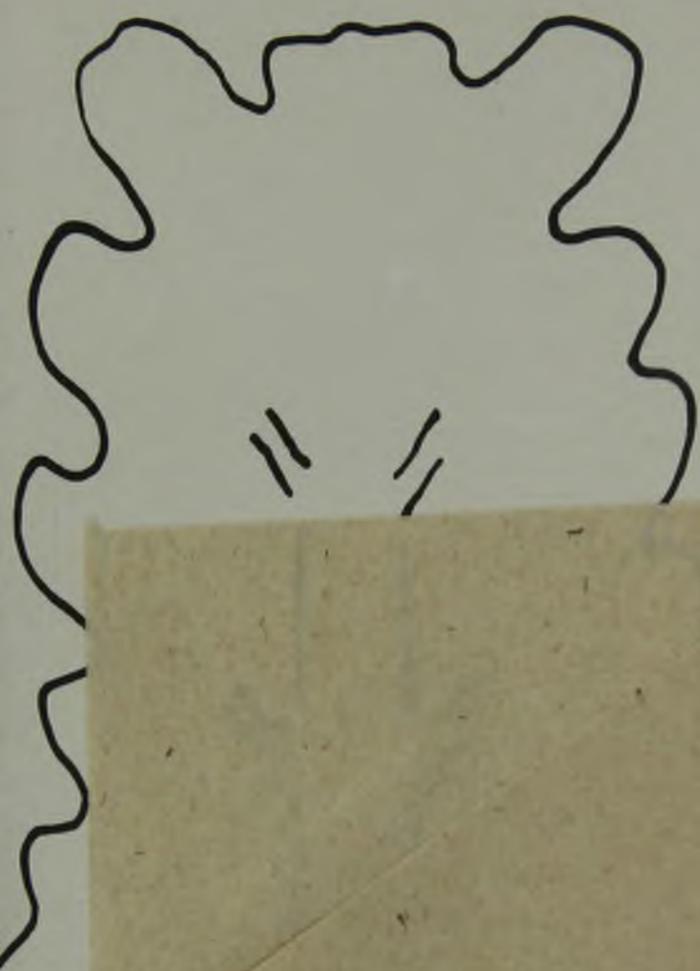
81 (2000 = Макс) 6
К Т 22

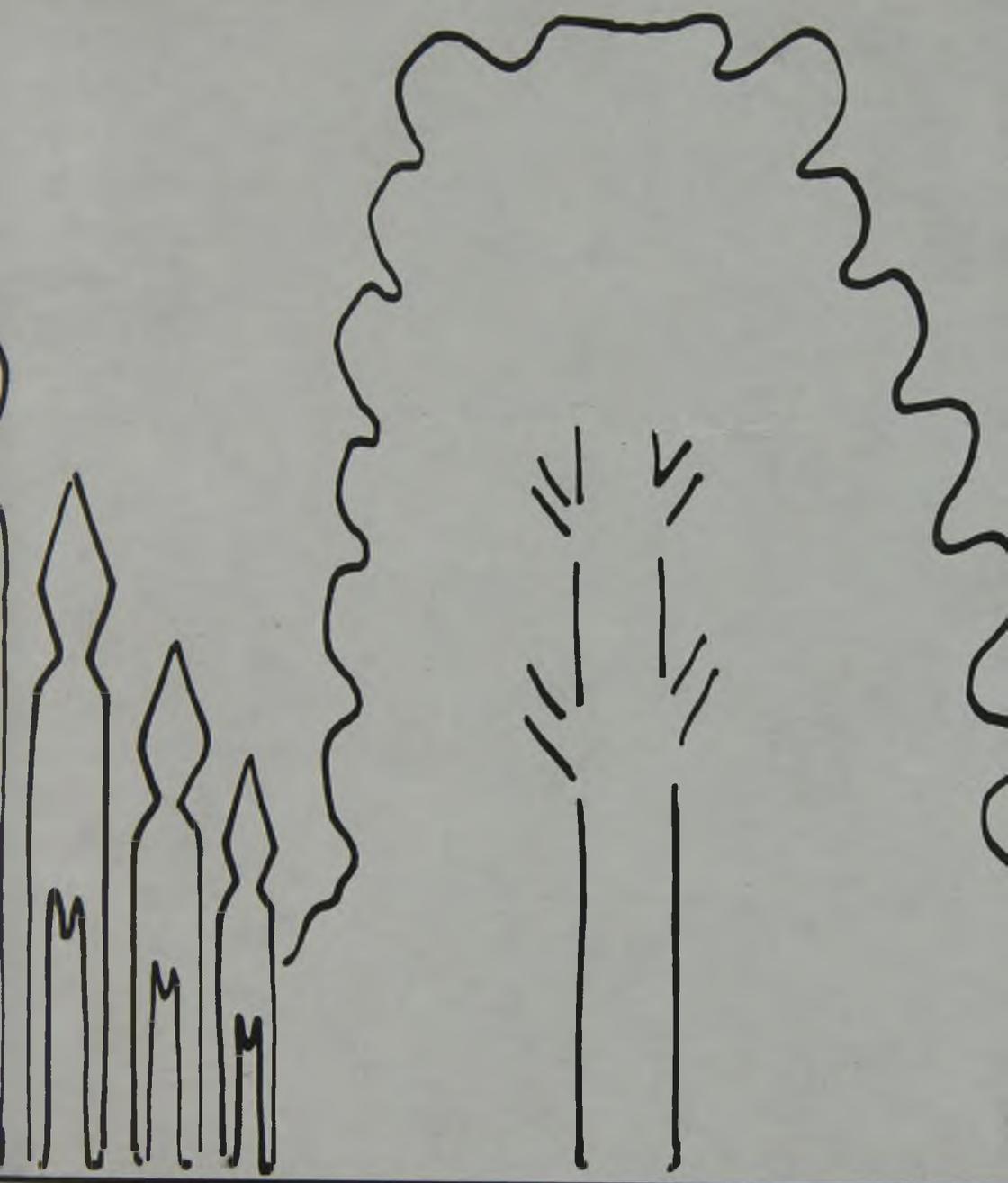
Андрей Тарханов

СНЕЖНАЯ СИМФОНИЯ

(СТИХИ)

Андрей Тарханов

СНЕЖНАЯ СИМФОНИЯ

(Стихи)

Ханты-Мансийская
государственная
окружная библиотека

КО

Ханты-Мансийск
2000

- 59795-2

Ханты-Мансийская
государственная
окружная библиотека

обяза-
тельный
экз.
ХМАО

А 84(2Рос-Манс)65-5

К ББК 83.3 (2Р манс.)
Т 22

Тарханов А.

Т22 Снежная симфония: Стихи. — Ханты-Мансийск:
ГУИПП «Полиграфист», 2000. — 204 с.
ISBN 5-89846-038-1

ББК 83.3 (2Р манс.)

© Тарханов А.С., 2000
© Райшев Г.С., рисунки, 2000
© ГУИПП «Полиграфист»,
оформление, 2000

ISBN 5-89846-038-1

597951

Thia px

*Посвящается вечной
памяти родителей —
Семена Прокопьевича,
Клавдии Гавриловны*

ОШИБКА АФАНАСИЯ ФЕТА

**(Краткий очерк о творчестве мансийского поэта
Андрея Тарханова)**

Есть разные пути создания национальной культуры: путь медленного и трудного развития, на который могут уйти десятки и сотни лет, в рамках национального герметизма. И есть путь синтеза — путь динамичного развития, путь использования богатств мирового художественного опыта для ускоренного подъема национальной культуры. Этим путем пошли такие выдающиеся мастера современной литературы, как киргиз Чингиз Айтматов и казах Олжас Сулейменов. Они пишут на русском языке, но во имя яркого развития национальных традиций, которые они поднимают на общечеловеческую высоту и придают им вселенский масштаб. К этой когорте писателей-новаторов принадлежит и мансийский поэт Андрей Тарханов.

А.Тарханов скупно отдает дань рекламе патриархальных обычаев. Его поэзия сильна устремленностью в сегодняшний день, в гущу мировых событий, сильна своей страстной жадностью понять и усвоить многоцветье жизни. Вот здесь-то и проявилась национальная самобытность Андрея Тарханова.

Помните, как определял Гоголь национальное? Он указывал, что «истинная национальность состоит не в описании сарафана, но в самом духе народа. Поэт даже может быть и тогда национален, когда описывает совершенно сторонний мир, но смотрит на него глазами своей национальной стихии, глазами своего народа...»¹

У Тарханова есть такая национальность, свой удивительно своеобразный и неповторимый взгляд на мир. Он манси. Смысл его жизни и его поэзии — любовь к родному краю, к красоте мира. Именно эта любовь является движущей силой, эмоциональным центром всех его художественных исканий.

Очевиден факт: чем менее культурно развит малый народ, тем большую дистанцию ему нужно преодолеть между собственной и мировой культурой, тем большее значение приобретает для него русская литература. Но это не страшно, если она служит целям выявления и усиления национального начала. Можно смело сказать, что русская литература стала матерью мансийской литературы и, может быть, ни в одной другой степени ее влияния не имела исключительного значения на творчество всех мансийских писателей.

Андрей Тарханов научился у русских, замечу, классических поэтов всему: музыке слова, умению обобщать факты, строить образ. Кстати, его первым учителем в поэзии был... Афанасий Фет. Тот самый, что написал: «У чукчей нет Анакреона, к зырянам Тютчев не придет».

¹ Гоголь Н.В. Собр. соч. в 6-ти т., т.6. — М., 1959. — Стр. 34-35.

Обучаясь в Ленинградском педагогическом институте имени Герцена, Тарханов написал курсовую работу о поэзии Фета в 1958 году. Душевное общение с творчеством великих русских поэтов возвысило любовь молодого поэта к таежной родине. Его дорогой в искусство стала лесная тропа, с которой он по-своему увидел жизнь. «Если кинет судьба на чужбину, если родина будет вдаль, стану я вожаком журавлиным, стану веткой родимой земли», — признался однажды поэт.

Поэзии Андрея Тарханова присуще редчайшее свойство — соединять простое и сложное, тысячелетнюю древность и современность, умение жить в двух временных измерениях, возвращать, казалось бы, навек канувшее событие, возвращать детскую улыбку человечества в современный тревожный и напряженный мир. Этот синтез в самом характере героя, это явление и делает поэзию Тарханова совершенно необычной, не похожей ни на одну другую. Она органически сочетает классицизм, не менее законченный, чем в древнегреческой поэзии, и философичность, реализм и возвышенный романтизм, в ней одновременно есть качества лирики и эпоса.

Горизонт в парусах,
Огневая
Зорька в небе лучисто свежа.
И восторженность в сердце такая,
Что не может не плакать душа.

реальность своего племени. И хотя он мечтал о герое, который бы встал на один уровень с героями мировой литературы, он не стал его модернизировать.

Лирика Тарханова способна передавать через образы природы тончайшие переливы человеческого чувства, всю полноту духовного бытия человека.

Настоящий поэт не просто описывает природу, он творит и живет по законам природы, он — ее голос. И это свойство — родовое свойство классической поэзии — у Тарханова есть.

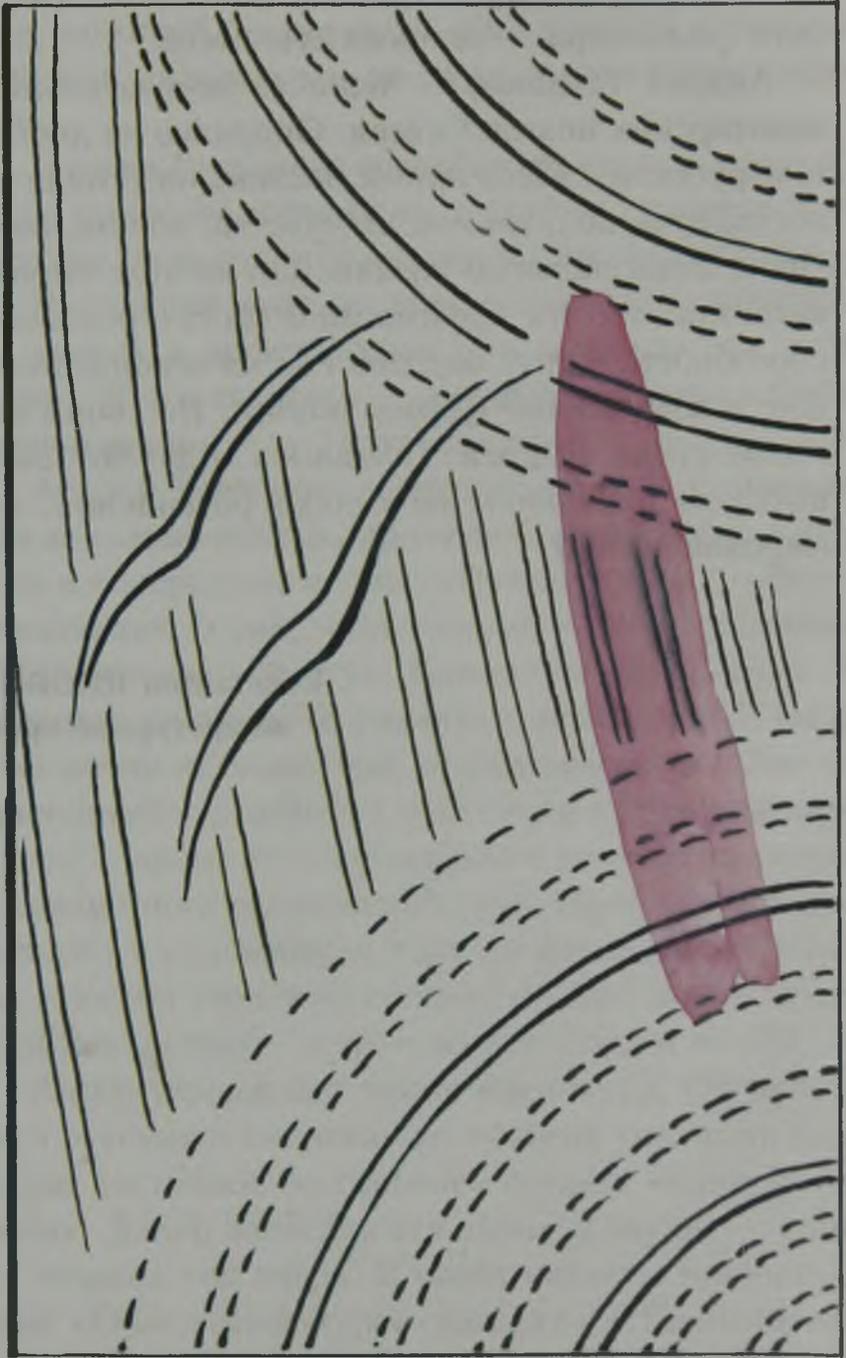
Андрей Тарханов — разносторонний художник. Он не только мастер лирической миниатюры, у него есть и колоритные поэмы: «Грозовая ночь», «Пепел священного бора», «Оранжевый остров спасения», «На последнем берегу». Каждая из них требует отдельного вдумчивого анализа и разговора. Я выделяю поэму «Оранжевый остров спасения». Это современный героический миф, это в художественном плане — яркий сплав фантазии и реальности, мечты и конкретного волевого действия. Герой в муках превращает в сад зеленый камень бесплодного острова, орошает его своей кровью, создает землю, куда, забыв о страхе, устремляются звери и птицы.

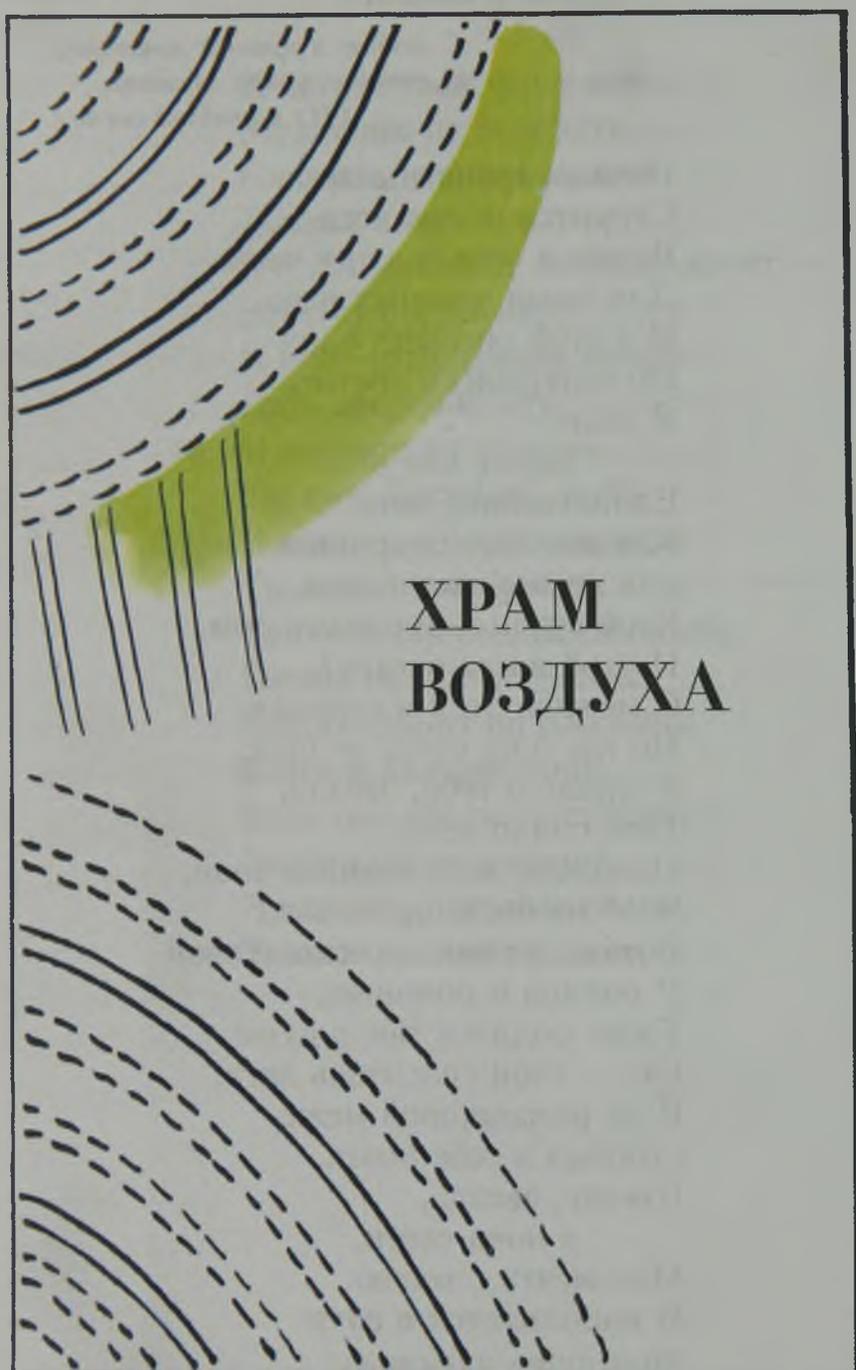
Автор утверждает также идеи мира. Он призывает русских и американцев общими усилиями «как самое достойное бессмертие» создать «планету без меча». Давно написана эта поэма, а звучит — словно создана она вчера. К слову сказать: именно поэмой «Оранжевый остров спасения» А. Тарханов вер-

нул к жизни забытую страницу мансийского народного фольклора — героическую песнь.

Андрей Тарханов — один из замечательных и новаторских поэтов Севера. Опираясь на достижения русской классической поэзии, он создал превосходную, полную мысли, чувства, полета, романтизма национальную поэзию. Он на деле опроверг пессимистическое предсказание Фета о роковой неспособности малых народов России освоить тончайшие и изысканные формы поэзии. По своим качествам стихи Андрея Тарханова отвечают самым высоким критериям не только российской, но и мировой поэзии.

Константин ЯКОВЛЕВ,
литературный критик.

**ХРАМ
ВОЗДУХА**

* * *

* * *

*С тобою я привык мечтать,
С тобою, ясною звездою...
(Из народной песни)*

Ночами трепетны леса,
Струится облак нега.
Встаю я ночью в три часа
Для звезд зеленых неба.
И в этой россыпи одна
По-матерински светит.
Я знаю —
 дарит мне она
Единственное лето.
Как это лето сохранить
для нежности и блага,
Чтоб стали памятными дни,
И чтоб жила отвага?
С мечтою этой я страдал.
Но где б на свете не был,
Я думал о тебе, звезда,
Твое сняло лето.
Однажды зов услышал твой:
Чтоб не было промашек,
Возьми любви — воды живой
У солнца и ромашек,
Тогда родится Бог в душе,
Он — твой спаситель лета.
Я на ромашковой меже
Открыл в себе поэта.
Прошу, звезда,
 в ночи свети,
Моя мечта с тобою.
И наполняется в пути
Моя душа любовью.

* * *

Мольба к Богу

К истине шел терпеливо,
Мук моих не передать.
Господи, несправедливо
Жизни поэта лишать.
Пусть он живет, сколько хочет —
Этот чужак на миру,
К небу взывающий ночью —
Дать озарение злу.
И не свое ли горенье
Ты ему, Господи, дал?
В искрах его вдохновенья
Ты свою волю узнал.
Так отпусти же, Всевышний,
Вечность ему от Весны.
Верой одарит он ближних
В эти и дальние дни.
Благ он себе не попросит,
Золота он не возьмет,
Лишь благодарные слезы
Тихо в ладони прольет.

Красные камни

Как будто красные лисицы,
Лежат с прищуром на восход.
И удивленно кипарисы
Глядят на них который год.
Они из огненной метели
В дымящийся рассвет пришли.
От страха сразу онемели,
Остался в камнях крик души.
Ходили горы в танце страшном,
В пожаре пурпурных зарниц, —
То поднимались в небо важно,
То уходили с ревом вниз.
Однажды гул огня и грома
Родил горячий красный дождь...
Уютно в парке, словно дома,
Сюда ты будто в Храм идешь.
Природы сотворенье свято,
Кругом далекой бури след:
Земля багрово-красновата,
И камни сеют красный свет.
Мы нынче знаем их рожденье,
Откуда к нам они пришли.
Смотри в ночи камней свеченье —
Окаменевший крик души.

1995

Кисловодск,

санаторий «Красные камни»

Веселый дождь

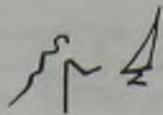
Веселый, буйный, многоцветный
Нагрянул дождь,
как сто цыган.

В пожаре роз плясали ветры,
Небесный грохотал орган.
И озарялись грозно скалы
То красным, то седым огнем.
И в странном ритме трепетали
Каштаны под густым дождем.
Смеялись люди убегая,
Дождем застигнуты врасплох.
За Эльбрус тучу отправляя,
Смеялся вместе с ними Бог.

1996

Кисловодск

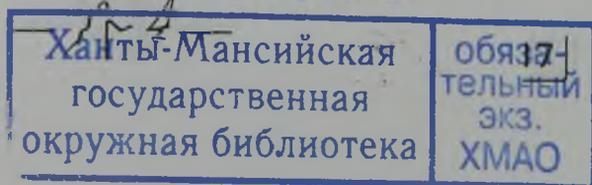

К Лермонтову

Поклон Тебе, поэт любимый,
Из далей снежных я пришел.
Я тоже бурею гонимый,
Я тоже счастья не обрел.
Гора печальная дымится,
Туман сиренево-густой.
Душа Твоя незримой птицей
Сейчас летает надо мной.
Что ей сказать?

Что ей доверить,
Когда кругом вражды прилив?
Жива Твоя в Россию вера,
И Твой мятежный парус жив.
Покоя для Тебя у Бога
Молю.

И сквозь туман и дождь
Открылась в небесах дорога.
По ней Ты к Господу идешь.

Рерих

Я вижу горы, горы, горы
В ручьях багрово-алых жил...
Он им, раздумчивым и гордым,
Отвагу сердца посвятил.
Его, художника-поэта,
Угрюмость тайны веселит.
Как Будда грозного Тибета,
Он в глубину небес глядит.
Сжимает кисть рука упрямо,
Снег озаренья бьет в виски.
И в сердцевину чуткой рамы
Упали первые мазки.
И снова горы, горы, горы
И Ганг, бушующий вдали...
Зачем вы, журавли, на горе
Поклон от Волги принесли?..

КО

Музей-заповедник
"Смоленский кремль"

18

* * *

Озера Велэнце лик темнеет.

Дали в дымке.

Ветер низовой.

От камней священных тайной веет

И языческою добротой.

Сказочных камней прикосновенье

Оживило радости мои,

Неба грозового притяженье

Я почувствовал в своей крови.

Сердце распахнулось.

Сердцу больно

От избытка чувств любви к земле.

Я предчувствую движенье молний,

Я зарю предвижу в хмурой мгле.

Слезы огневые небосвода

Тают на метелках камышей.

Замкнут круг гармонии Природы

У Велэнце, у святых камней.

1996

Венгрия

Сын гармонии

*Татаи Шандору,
венгерскому писателю*

Над Балатоном нынче дождик —
Сиренево-прозрачный дым...

И садовод ты,
и художник —

Гармонии грядущей
сын.

У дома виноградник, сливы.

Они зовут, стучат в окно.

Уже неделю терпеливо

Ведешь строку —
свое письмо.

В твоём лице — порывы ветра,

В твоей душе — своя страда,

И руки, словно корни кедра,

И взгляд небесный от Христа.

Над Балатоном стихнул дождик,

И стало небо молодым...

И садовод ты,

и художник —

Гармонии грядущей

сын.

Взаимосвязь

Все звуки мира тянутся ко мне.
Я слышу —
 треснул камень на Луне.
На Марсе,
 где когда-то жизнь цвела,
Сегодня буря рыжая прошла.
И стало душно сердцу —
 и во сне
Увидел крокодила на сосне.
Однажды ночью гром меня позвал.
По озеру ходил сердитый вал.
И молнии кричали на меня.
Сгорел амбар шайтанский — понял я.
Назавтра дом отцовский запылал.
На пепелище молча я стоял.
Не уберег амбар —
 пришла беда.
Да будет новая в миру изба!
Теперь читаю свято молний вязь.
Как велика, тонка взаимосвязь
Деревьев, звезд, священного жилья!
Она и есть основа бытия.

Возвращение

К живущей возле острова, к Тебе,
Вернулся я наперекор Судьбе,
На остров Маргит, где поет Дунай,
Где так давно растаял звук — прощай!
Но я хожу, мечтаю,

ласку рук

Воссоздаю, продляя горечь мук.
Благословенный остров.

Бьет волна,

Смеется надо мной, видать, она.
Но я, упрямец, глядя в вышину,
Твержу: я все-таки тот день верну.

Я по наитию иду к тебе,
Иду наперекор своей Судьбе.

Желанный миг!

Да, вот он, тихий двор.

И также ветку клен к двери простер.

Я в прошлое вернулся.

В дверь стучу.

От радости едва я не кричу.

Слышны шаги.

Она, она пришла!

Открылась дверь,

И... замерла душа.

Передо мной сама Печаль стоит,

Ошеломленно на меня глядит.

Я облаком сиянья, видно, был,

На миг Печаль восторгом ослепил.

В ее душе день праздничный воскрес —
Дунай и остров,

мы и яркий лес.

И ты богиней стала на глазах.

О, сколько красоты в твоих чертах!

Но миг прошел.

И я услышал стон.

И эхом отозвался в небе гром.

Я понял —

день вернувшийся погас.

Он воскресил на миг бывшее в нас

И улетел, жестокий.

Пред тобой

Стою я утомленный и седой.

И все же — это было —

хоть на миг

Минувший день явил свой милый лик.

День Пророка

Сыну Илье

Грянул День Ильи-Пророка,
Гром веселый в небесах.
Глянул ввысь по воле Бога,
Лик его я зрю в лучах.
Славлю звонко именины
Громовержца и творца.
В честь него назвал я сына
У священного крыльца.
Сам Пророк невесел ныне,
Смотрит хмуро с высоты:
Люди перед ним повинны —
Стали знаками беды.
Он, Пророк, хозяин молний,
Знает истин всех черёд:
«Люди, жить враждой довольно!
Люди, братства день грядет!»
Но услышать глас Пророка
Только избранным дано.
Для жестоких и убогих,
Тем, которым все равно,
Это время не пришло.
Ну, а те, кто с Богом в сердце,
Кто внимает небесам, —
Им, невинный сын, доверься
И раскатистым громам.

С любовью внуку Владуку

Ты ангельски глядишь в меня.
Ты хочешь, видимо, ответа.
Да, понимаю ясно я:
Посланник ты зари рассвета,
Ты смена новая поэта.
Не бойся риска и тревог.
Но сторонись людей фальшивых.
И пусть в душе родится Бог.
Когда ты выйдешь в мир крикливый,
Бог на развилке трех дорог
Тебе укажет путь счастливый.

Ночью

На небе странный самолет,
Рожден из облачной метели.
Я слышу — он меня зовет,
Но я лежу больной в постели.
Искра сверкнула надо мной —
Недуг мой, как рукою сняло.
Вселенная — наш дом родной,
Летим, — душа мне приказала.
Ты жди нас, дивный самолет,
Мы — дети риска и паренья.
О, как нам ненавистен гнет
И зло земного притяженья!
А самолет невдалеке,
Он словно звук красивый вальса.
Но я не ведал, что в руке
Цветок картофеля остался.
Он фиолетово пылал
В многострадальном огороде.
Его на память я сорвал
При неожиданном полете.
Творя языческий обряд,
Рука разжалась в поднебесье —
И грянул в душу аромат
Неповторимой нежной песней.
Как луч, растаял самолет.
Вернулся я к земному раю.
На звездный глядя небосвод,
Я об иных мирах мечтаю.

После ночного дождика

Пролился дождик благодатный
В Долину роз, на дерева, —
И сразу столько аромата,
Что стали лишними слова!
Сосна душистой смолкой веет,
В Долине — тонкий пряный дух,
Там кипарис слегка краснеет,
Он, как восторженный пастух.
Дивлюсь опять коре осины:
В ней сладость воли, сок корней.
Я даже слышу рев лосиный
Из дальней родины моей.
Ни звука в парке. Даже белки
Неугомонные молчат.
Они, видать, на посиделках,
И пьют, как птицы, аромат.

1995

Кисловодск

Храм воздуха

Он в синем воздухе парит.
И верится горам —
Лучи оранжевой зари
Явили миру Храм.

Припев: И от божественного знака
 Во Храме света и любви
 Не грех от радости заплакать
 На слезы нежные Твои.

Заря объяла Кисловодск,
И... слава небесам! —
Для всех открыт воздушный мост,
Для всех сияет Храм.

Долина от цветов горит,
Желанная лучам.
Душа поет, душа летит
К тебе, волшебный Храм.

5 декабря 1996
Кисловодск

Зов неба

Гори, гори, моя звезда...

(Слова из старинного романа)

О, сколько раз, взмахнув крылами,
Летал во сне над лесом я,
И восхищенными глазами
Оглядывал свои края.
Сияла мать.

Отец гордился.

Виденья эти —

от мечты...

Икар за всех людей решился
Взлететь, не ведая беды...
Горели крылья и машины.
Но вышина звала, звала.
Гагарина — родного сына
Россия в космос вознесла.
Америка смотрела в небо.
Там Олдрин,

Коллинз

и Армстронг

Шептали на Луне:

«Победа.

Мы верим, люди, —
с нами Бог»...

Зов неба в нас живет с пеленок.

И первый крик —

сигнал туда, —

Я в мир пришел,

еще ребенок,

Но жди меня, моя звезда...

* * *

О, сколько выстраданных слов
В душе, о Боже!
Крик не родившихся стихов,
Крик не родившихся детей, —
Одно и то же.

В непогоду

Опять косматые дожди
Над Тараскулем задымили.
Закрыты к озеру пути,
Где караси таятся в иле.
В тумане белом красный бор,
Сквозь этот дым кора мерцает.
И меж землей и небом спор —
Кто больше грусти получает?..

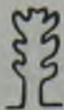

Мелодия августа

Фиолетовый клевер медов.
Почему-то боится он темени,
И поэтому ночью готов
Раствориться в движении времени.
Хочет звуками иволги стать
И звучать серебристо с березоньки,
И не станет прохожий пинать
Стебелек ароматный и тоненький.
Августовская ночка темна,
Словно омут бездонный, пугающий.
Осветила с улыбкой луна
Фиолетовый клевер мерцающий.
Я нагнулся, погладил его,
Дрожь цветка под рукою растаяла.
Он вздохнул облегченно, легко,
Будто ветка проснулась усталая.
Эта ночь улыбается мне,
Словно друг долгожданный, приветливый.
Я сегодня увижу во сне
Возле ивы цветков фиолетовый.

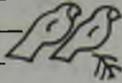

Этюд из Долины ручьев

Другу, художнику Владимиру Кукушкину

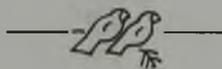
Близ священного кедра бушует ручей,
Смотрят вербы с пригорка пугливо.
Все устали от частых холодных дождей,
Потому и кедровка криклива.
Я хотел на поляне разжечь костерок,
Отогреть свою душу и тело,
Чтоб взбодрился,
 озябший от сырости, лог,
Чтоб туманы с него улетели.
Но нагрянула туча с обской стороны,
Дождь пролился и синий, и звонкий.
И потух костерок,
 Словно голос струны, —
Голос пволги нежный и звонкий.
Я защиту под ветками кедра нашел,
Я к нему прикоснулся душою.
И почувствовал —
 вздогнул от радости ствол,
Крона пела в дожде надо мною.

* * *

Куда вы, куда улетели,
Веселые птицы мои?
Вы так удивительно пели
О верной, счастливой любви.
Зову вас на рыжей троинке,
Зову и в метель, и в мороз.
Но падают с неба снежинки,
Как вестники новых угроз.
И что я такого наделал
И чем огорчил небеса,
Когда от родного предела
На Марс улетела гроза?
Ни птиц, ни зеленого грома,
Не знаю, куда мне идти.
Вдруг голос услышал знакомый,
И дрогнуло сердце в груди.
Услышал я зов твой душевный,
Скворцы возвратились мои.
И снова запел я о верной
И незабвенной любви.

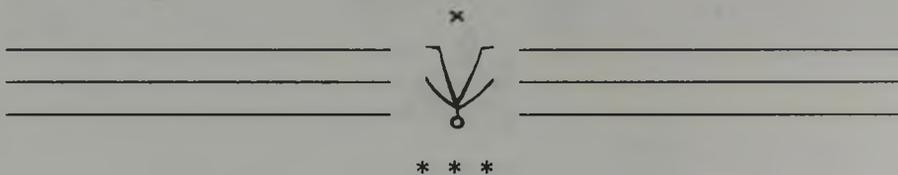

* * *

Эле Рыбалко

Наедине с воспоминаньями
Живу теперь, как мудрый бог.
Но знаю —
 залит мир страданьями,
И нет улыбчивых дорог.
Души моей веленье строгое —
Здесь одиночество мое.
Любви претензии высокие
Давно покинули жильё.
Зачем такое заточение,
Я не преступник, не монах?
Познать хочу свое терпение,
Преодолеть хочу свой страх.
И продолжал свои страдания
Я до минуты роковой:
Увидел радуги сияние
И смех услышал озорной.
А плач ребенка, милый, жалостный,
Ударил в сердце, как ножом.
Душа проснулась в гневе яростном:
Да, где ты, Боже?! Зло кругом...
И грянул гром.
 И глас решительный:
«Сначала искупи свой грех.
То будет подвиг удивительный,
Он станет алтарем для всех».

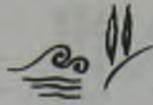

Памяти брата Вани

Сказка моя о летучем олене,
Голос, как другу, из детства подай?..
Как далеко ты, кедровник священный!
Как далеко ты, трагический май!
Ты эту сказку вечерней порою
Слушал восторженно, дух затая...
В вечность, братишка, ушел ты весною.
Долго нам снилась улыбка твоя.
Нынче я в дали гляжу со слезами:
Ты одиноким остался в краю.
Мы позабыли — о Боже! — с годами
Лик твой небесный, улыбку твою.
Шел я однажды,
и вдруг показалось —
Кто-то окликнул меня с высоты.
Дрогнуло сердце от новой печали —
Это, конечно, позвал меня ты.
Видимо, много в душе одинокой
Боли за нас,
за разрушенный кров.
Ваня, братишка, прости ради Бога,
Грех за родню искупить я готов.
Ты нас прости,
если можешь, родимый, —
Мы говорим и винясь, и скорбя, —
Памятью нашей отныне хранимый,
Знай же, —
мы слышим, мы любим тебя.

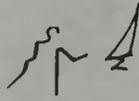

Море

Поэту, другу Виктору Жорнику

Сырой песок медузой пахнет,
А волны — тучей грозовой.
Я, как матрос,
 и я — на вахте,
Слежу, стихия, за тобой.
В душе растет дух удивленья
От бесконечности твоей.
В тебе есть сила притяженья,
Небесной воли посильней.

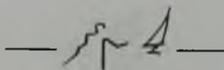

В том порту

*...и потекли золотые удавы от
фонарей пристани...*

И. Бунин

В том порту вечереет,
и травы
И душисто, и лунно цветут.
В том порту золотые удавы
По дорожкам туманным текут.
В том порту и красивый, и стройный
Человек у прибоя стоит.
И, виденьем своим потрясенный,
За лучистое море глядит.
Ту — в рыданьях гармоник Россию —
Видит он сквозь года наяву:
Этот снег и парящий, и синий,
Эти тройки, и эту Неву.
Видит берег до неба угрюмый,
Видит Пасху в сияньи весны...
Он, Иван Алексеевич Бунин,
До утра не уйдет от волны.

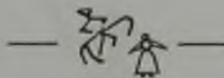
Ночь в станице

Поэту Юрию Сердерици

С неба сыплются орехи,
Груши, желтая айва.
Вечер ставит в небе вехи —
Звезды и мои слова
Про лиманы и затишье
В розоватых камышах.
Сладость дремы ближе, ближе,
Растворяется в глазах.
Озарила ночь зарницей
Даже яму осетра.
Спит священная гора
Братьев Глеба и Бориса.
Я уснул.
Луна сияет,
Серебрит мои виски.
Ночь станицей управляет,
С тайной грустью закрывает
И запоры, и замки.

1997

Кубань

* * *

Другу Виктору Хайлову

Здравствуй, август.
Подосиновик
Выглянул из-за куста:
— К нам иди. Поляна в инее,
Нету мошек. Красота!
У болота лось-громадина
Затрубил:
 «За мной спеши.
Глухари поют над Аманьей¹ —
Знатоки твоей души.
Голубика улыбается:
Лось по янге² так идет,
Словно в лодке он плывет, —
Янга зыбится, качается.
В эту пору предосеннюю
Надо край свой обойти, —
И заплачешь от волнения,
Запоет душа в груди.

¹Аманья — название мансийской речки.

²Янга — большое топкое болото.

* * *

Другу Владимиру Тетеневу

Красный шепот рябины,
Красный шепот ветвей
Я в осенней долине
Взял для песни своей.
От рябин одиноких
Наши беды видны,
И коварство убогих,
И предателей сны.
Да, я славлю дороги,
Где рябины красны.
Я — как символ тревоги,
Я — как воин страны.
Будем Богом хранимы,
Лишь познав красоту.
Из пожара рябины
На дорогу иду.

Поющие молнии

В грозу родился в небе Храм
Дождя, ветров и грома.
Гремит торжественно орган
Над мокрой крышей дома.
Небесный Храм —
 Он на горе,
Мой дом у кручи старой.
Храм в розоватом серебре —
Поющих молний кара.
Не спит преступник и ханжа,
И властелин крамольный.
Дрожит, дрожит его душа
От грозных песен молний.
Вершите суд свой, небеса,
По воле божьей всюду!
За это, вещая гроза,
Тебе молиться буду.

Позиция

Мои стихи — мое спасенье
От равнодушия, смиренья
Перед враждой и суетой.
Мои стихи, идите в бой.
Мои стихи — мое паренье,
Мое духовное боренье.
Бываю нищ, бываю слаб,
Но не ужился в сердце раб.
Знай, человек, твое спасенье —
В дороге самовосхожденья.

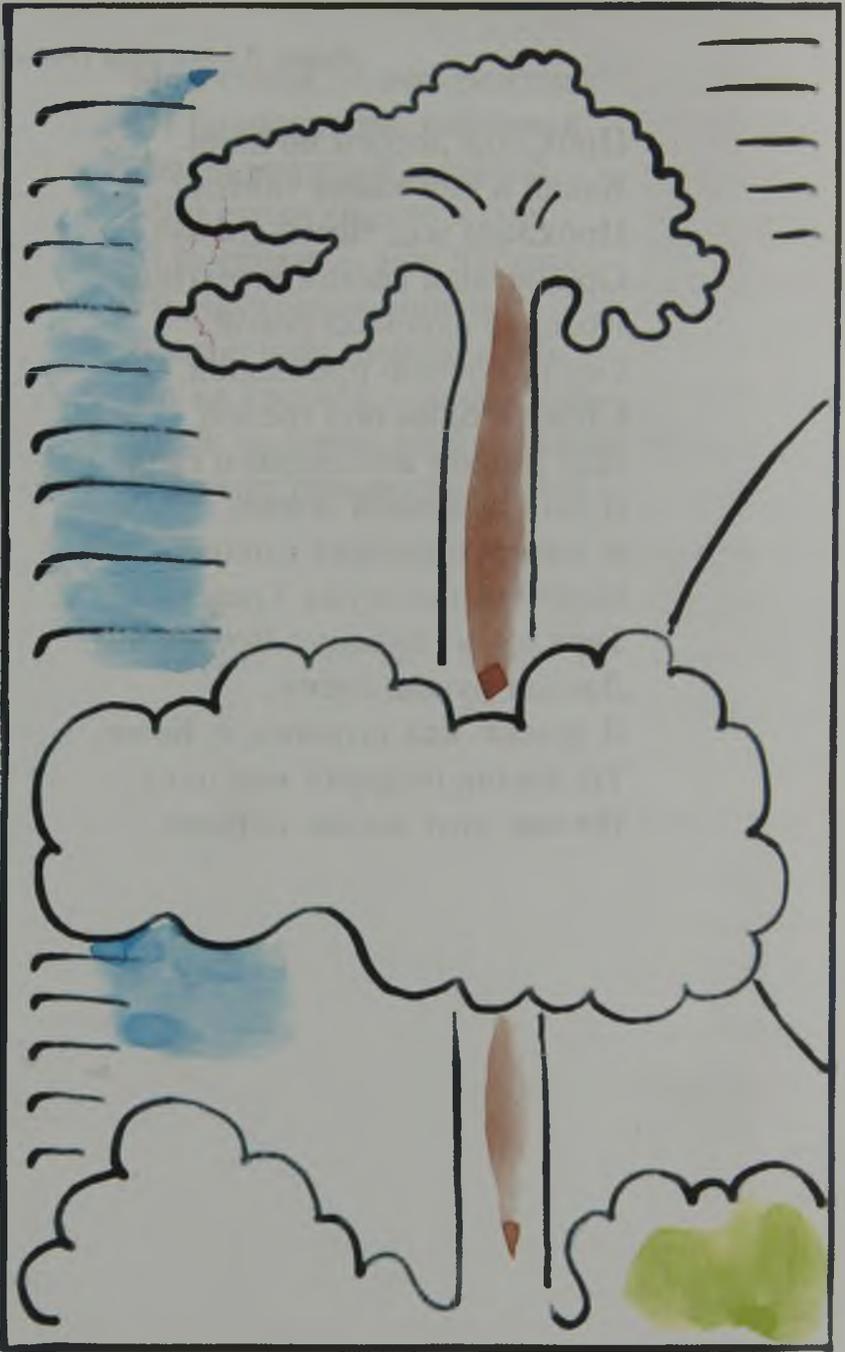

* * *

Другу Александру Пацганову

Прохлада дороги ночной.
Какая в ней тайна таится?
Прохлада над тихой сосной
Оранжевым светом струится.
Краснел оком за рекой.
Овеян ночью прохладой,
Стоял я один под сосной,
Под сводом вселенского сада.
Я был вышиной осиян,
Я власть познавал вдохновенья.
Небесного воздуха Храм
Терялся в глубинах Вселенной.
Лаская рукою сосну,
Я думал: как странно, о Боже,
Ты жизнь подарил мне одну,
Но миг этот жизни дороже.

НА РАЗВИЛКЕ ДОРОГ

* * *

*Отречение от своего в себе, от Бога души своей
— это гибель человека, разрушение жизненных
основ его.*

(Размышления Л.Н.ТОЛСТОГО)

Видать, я от Бога отрекся,
Невинного Бога в себе,
Когда суетою увлекся,
Оставил себя на тропе.
Я вышел, желая веселья,
На шумный бездумный большак,
Где много вина и безделья,
Где в злате и хам, и ханжа.
Меня омота закружили
Крикливых, фальшивых людей.
Они до себя низводили
Меня по задумке своей.
Я не замечал унижений,
И лодка моя без весла,
Без высшего благословенья
На верную гибель плыла.
Однажды волна грозовая
Разбила мой хилый челнок.
Шумела вода ледяная,
Дрожал я, лаская песок:
— Ты где, мой отринутый Бог?
— Я здесь, — теплою пахнуло. —
Незримый, я рядом летал.

Ты разве меня вспоминал,
Когда свою душу пинал
В хмельном бесшабашном угаре?
— Прости, — я шептал покаянно, —
Никак мне нельзя без тебя.
Живи ты со мной постоянно,
Мой Бог, мой спаситель, судья.

Ночная картина

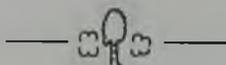
Цветет багульник.
Бор сосновый
Пьет ночью аромат его.
Меж сосен горизонт лиловый
Сейчас глядится далеко.
Сиреневый дымок струится
У приозерного леска.
Сова — загадочная птица —
Пугает смехом рыбака.
— Да успокойся ты, холера, —
Ворчит рыбак у костерка. —
Ты, как моя зазноба Вера, —
Все хи-хи-хи, да ха-ха-ха.
Ты лучше сон навей мне крепкий,
Мне силы надобны в зарю.
Сова затрепетала веткой,
В обитель юркнула свою.
Рыбак уснул.
Пришли туманы.
А сеть дрожит от карасей.
Когда светило тихо встанет,
Услышу голос дивный, странный:
— Явилось в мир я для людей.

* * *

Я был в мечтах,
Как лес в туманах.
Наивным был,
Как серый дрозд,
Что в мире нашем нет обмана, —
Мир, словно солнце,
Светел, прост.
И, встретив первую измену,
Был удивлен и потрясен.
Глядел я в глубину Вселенной,
Туда летел мой горький стон.
Но бездна синяя молчала.
И все же гром пророкотал.
Небесный звук душа признала —
Он верой в Бога воссиял.
И броневой защитой стала
Вот эта вера для меня
Во дни предательств и печали,
В часы ударов бытия.
И если я ласкаю землю,
Еще живу, еще люблю, —
Все потому, что небу внемлю,
О милосердии молю.

* * *

— Иногда надо поплакать над собой...

— Зачем?

(Из разговора)

Поплакать надо над собой.

Зачем?

Ах, да, я понимаю.

Но перед боем и бедой

На это право отнимаю.

Пускай те слезы в камень-лед

На это время превратятся.

А стихнет бой,

беда уйдет —

Они для раны пригодятся.

В час озарения души,

Как солнце в дождик, —

мы смеемся.

Бороться против злобы, лжи

Слезами мы порой клянемся.

И уронить слезу не грех,

Когда пойдешь один на Плаху.

Но страшно,

если человек

Лишен Природой права

плакать.

* * *

Ветка вербы с горы Алханая¹ —
Знак любви яркоглазого мая,
Ты для жизни таишь волшебство.
Будь удачной, дорога лесная, —
Ты вещала, тая торжество.
Подарила мне девушка ветку.
И в мансийском краю у костра
Вспоминаю я девушку эту
И тебя, ветровая гора.
И шепчу я свое заклинанье:
Не забуду тебя, Алханай,
Вместе с девушкой,
Что на прощанье
Мне сказала:
— Весной вспоминай...

Май 1971

Чита

¹ Алханай — священная гора бурятов.

Покаяние

«Внучек, внучек... Принеси икону», —
Прошептали губы старика.

И достал внук

темную икону

Из архивной глубины сундука.

Вот он, грозный лик Ильи-пророка.

Враз пахнуло теплою грозой,

Смотрит в душу он,

и смотрит строго,

Он судья небесный и земной.

Показалось —

лик обрел печальность,

И волнение родилось в груди.

Миг настал святой, исповедальный,

Посторонним надобно уйти.

«Верю, верю... Есть за все расплата.

Жаль — уверился недавно в том.

Господи, прости!

Я предал брата...

Из-за денег в пятьдесят втором...

Мать забыл... Страдалицу родную...

За деньгой гонялся, как шальной.

Каюсь, каюсь...

Аж во сне тоскую.

Потерял на старости покой.

Чую —

Час остался до кончины,

Вот я и позвал тебя, Пророк.

Пощади за горькие седины,
Ты прости, мой милостивый Бог».
Бог молчал.
Как птичка, луч рассвета
К изголовью грешника приник.
«Посвети чуток... за муки эти.
Ты — прощенье».
И затих старик.

* * *

Тебя, столица, покидаю,
Твои раскованные дни.
Природу сразу умоляю:
Мою наивность

мне верни.

В стихах лукавить не годится,
Я славлю искренность пера.
Бываешь ты, моя столица,
И бескорыстна, и щедра.
Бываешь и жестокой очень,
И не прощаешь промах мой.
Однажды я проснулся ночью
Раздетым в парке под сосной.
А утром умная ворона
Сказала дружески: «Поэт,
Ты ночевать старайся дома,
Иначе будешь

вновь раздет».

Не может город без пороков
Творить,

страдать,

любить,

алкать.

Его житейские уроки
Пришлось, как азбуку, познать.
Ты мне дала, моя столица,
Немало истин для стихов.
Но... отчий край позвал.

Вернулся.

Я снова лес обнять готов.

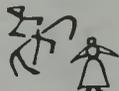
А дух столичный колобродит.

В тайге мне трудно будет с ним.

Наивность где-то рядом ходит,

Похоже, стал я ей чужим.

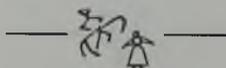

* * *

*Слово калечит и лечит.
(Народная поговорка)*

Как понять нам человека?
Был Алехин добряком,
А теперь — селу потеха —
Потрясает кулаком.
Он в себя уединился,
От обиды тайной сник.
Почему ожесточился
Этот праведный мужик?
Все его избу обходят,
Все качают головой.
Вызывает у народа
Он досаду, непокой.
Судят: «От наветов темных,
Видно, чокнулся мужик.
На него смотреть-то больно.
Люди, он похож на крик».
Так базарят и судачат
На виду беды чужой.
Говорят — Алехин плачет,
Что бывает сам не свой.
Да, теперь он — одиночка:
Сын ушел, ушла жена...
Разве можно ставить точку,
Коль трагедия видна?
Эй, проснись, мое селенье! —
Помощь мужику нужна,
Твой совет и утешенье,
Слов целебная волна.

Голос Марса

На красный Марс посланник прибыл —
Как чудо радужной Земли.
Стих ураган из желтой пыли
В отсветах огненной зари.
Притихла грозная планета,
Задумался угрюмо Марс:
«К беде, видать, посланник этот,
Земля сама в огне сейчас.
И чем порадуют земляне
Меня,
 седые от вины,
Что ищут в каждом дне страданье,
Что жить не могут без войны.
Свой день кончины приближают
С упорством горе-чудака.
И в космос улететь мечтают,
Свои отринув берега.
О, боги, вразумите жалких,
Им дайте мудрую стезю!
Землян не сведущих мне жалко,
Судьбу поведаю свою.
Цвели мои поля и горы
В свой час.
Но грянул день вражды...
И стали красными просторы
От зла, огня и маяты».
Я Марсу с пониманьем внемлю,
Тревоги не таю своей,

Окидывая взглядом Землю,
Не вижу радости людей.
В глазах безверье и страданье, —
Мол, у землян таков удел.
Но был же, был день ликования! —
Гагарин в космос полетел.
Полет во благо и во имя
Расцвета матушки Земли...
Печален Марс в закатном дыме,
Он думу думает свою.

Стой! Не суетись, чудак,
Влево глянь, в просветы леса.
И сомненья голос сник.
Велико души веленье —
Это луговины крик,
Там река — твое спасенье.
Прочь, лукавый, хитрый Бес!
На просвет иду упрямо.
Для меня в чащобе, здесь,
Он, как боевое знамя.
Расступился лес.

Рука

У шиповника колюча.
Здравствуй, милая река!
В жизни я, видать, везучий.

Маскарад

*Светлой памяти полковника милиции
Тюменцева Анатолия Николаевича*

Опять подарили мне звезды рисунок —
Оранжевый обод вокруг кедрача.
И словно гитарные рыжие струны,
Натянуты в небе три звонких луча.
Небесный художник вручил мне начало —
Великой картины достойный запев.
И мне дописать ее время настало.
Но нет вдохновенья.

Есть праведный гнев.

Я кисть поднимаю.
Я в траурных красках
Сейчас распишу подлецов и ханжей.
Работай, душа!
И зловещие маски
Явились, запрыгали вместо людей.
Я многих узнал за потешной гримасой.
Фальшивые люди, свой грех не тая,
Себя утешали разнузданной пляской.
Ушли с полотна и кедрач, и заря.
И дрогнуло сердце от черной картины,
И выпала кисть —

наказующий крест.

Хозяйничать стали обратные силы —
Себя объявил императором Бес.
В руках моих гневная кисть оказалась.
Взмахнул я —

и брызнули света лучи.

И стала опять маскарадную зала,
И приняли вид добряков
палачи.

* * *

В мире Природы нет лишних,
В мир мы для блага пришли.
Радуйтесь

радости ближних,

Трудные люди Земли!

Мы зачастую возводим

Много смешных баррикад, —

Мол, отчуждение — мода,

Мол, это век виноват.

Для новоявленной моды

Муки души не нужны...

Много беспутной свободы —

Много грехов и вины.

Первые поэты

Другу, поэту Микулю Шульгину

Почему березы плакали
В тот соборный шумный день?
Может быть, они, как знахарь,
Нам вещали —
Быть беде?
В край отеческий из Питера
Я вернулся при стихах.
Для поэтов, местных жителей,
Был звездой в небесах.
Повстречались мы в обители —
Комнатушка в пять шагов.
Как ведется, славно выпили
И пьянели от стихов
Мы до первых петухов.
Среди юных колоритные,
Набирающие лёт,
Были здесь поэты видные —
Тот солдат,
Другой пилот.
Вот Попов, поэт отчаянный, —
Орден-то нацепил! —
Будучи в атаке раненым,
Танк гранатою подбил.
Асом был Матвей Корепанов,
Нынче он — поэт Оби:
«На реке муксуньей ветрено,
Парус волею крепи...»

У Калабина певучие
Строки просятся в полет:
«Мысли — звездочки летучие
Обгоняют самолет...»
Эх, родной Мпкуль Иванович,
Нас на мушку взяло зло! —
И наветами поранило,
И в бураны завело...
Пели песни мы застольные
В шестьдесят втором году.
Мы стихи читали вольные,
Чуя лихо на веку.
Разлетелись мы под ветрами
Бурь житейских —
Кто куда...
Ты живи со мной, рассветная,
Строк начальных Красота.

Ожидание

На поезд жизни снова опоздал.
Ты мне рукой махнула на прощанье.
Вошел я в переполненный вокзал,
Где яркая табличка — «Ожиданье».
Как много опоздавших, боже мой,
Живущих ныне собственной виной!
Рождает ожидание тоску,
Не каждому дано ее осилить.
И кто-то пьет,
 и кто-то шлет мольбу:
О, Боже, дай в час испытанья силы!
Но почему забыли о душе,
Она на грани гибели уже.
Я тоже миг отчаянья познал,
Оставшись одиноким и бездомным,
Когда на поезд жизни опоздал,
Когда рыдал вослед своим вагонам.
И вдруг я вспомнил о душе своей,
Я на коленях обратился к ней:
«О, Бог души моей, ужель ты спишь?
Я погибаю. Ты проснись скорее,
И если ты надеждой осенишь,
Взгляну на все я трезво и мудрее».
И я услышал:
 «Новый поезд жди.
Блаженны муки.
 Он уже в пути».

Бабник

Про него идет молва:
Бабник, мол, Егор Поленов,
Словно мед, его слова,
Взглянет —
и дрожат колени.
— Он и вправду лих на вид, —
Замечает улица, —
Чуб на сторону летит,
Сам лукаво щурится.
«Эй, чернявая, иди,
Гордая головушка,
На моей шальной груди
Сгинет вдовья долюшка.
И не будь ко мне строга,
И не жги опаскою.
На заре уйду в луга
Я за новой ласкою.
Вижу — дева у воды
Обнимает дерево.
Лучше обними-ка ты
Знойного да верного.
Приласкаю и слова
Я скажу ей жаркие...
А народная молва
Впишет краски яркие:
Будто я для женщин бог,
Для особ пленительных.
Я не бабник,
я знаток
Женских душ обиженных».

Материнские сосны

Тоскуют кондинские сосны,
Качаясь над яром седым.
Им снятся капризные весны
И тот,
 Кто навеки любим.
Они мою душу растили —
Волнение и песню мою.
И нежно, как сына, любили
В бурном и хвойном краю.
Но парус однажды явился,
Я ночью отправился в путь.
Вы спали,
 и я не простился,
Успел, как на маму, взглянуть.
Сегодня от вас я далёко.
И часто я вижу во сне,
Как вы с материнской тревогой
Склоняетесь тихо ко мне.

В грозу

*Мэру Ханты-Мансийска
В.Г.Яковлеву*

Рокочет гром над хвойной рощей близко.
Как величава летняя гроза!
Парными кедрами Ханты-Мансийска
Сегодня дышат даже небеса.
Притих простор,
 И только реют звуки.
Внимает им зеленый город мой.
И словно чьи-то ласковые руки
Меня возносят к туче грозовой.
Две радуги веселого июля
Пьют торопливо воду Иртыша.
И понял я —
 еще не отлюбила
Вот этот мир пленительный душа.
Еще мне плавать у холмов лесистых,
И подниматься буду в небеса.
Еще не раз в лугах Ханты-Мансийска
Меня приветит теплая гроза.

* * *

*Незабываемой бабушке,
Матрене Александровне Тархановой*

Тайну упавшего дерева,
Как она ни далека,
Трепетно чувствую нервами.
Тают от взгляда снега,
И поднимаются рыжие
Ветви священной сосны.
Бусы,
Как росы застывшие,
В крону ее вплетены.
Машет туман мне косынкою.
Тайны мне станут видны,
Если в бору невидимкою
Буду я возле сосны.
Кто там шагает опасливо?
Чьи так знакомы черты?
И вырывается ласково:
— Бабушка, милая, ты?!
Птицей упала подраненной,
Вскинула руки к сосне:
— Ты береги мою Аманью¹,
Сына спаси на войне.
Руки касаются дерева,
Нету на сердце вины.
Годы искала доверия
Ты у суровой сосны.

И меховую одеждую
Ты одаряла ее.
Снова уходишь с надеждою
В чум — жердяное жильё.
Чум окольцован поверьями,
Верит он в чудо сосны...
Взглядом роняю я дерево
В стылое поле зимы.
Снова морозными перьями
Тайну закроют снега.
Тайну я чувствую нервами,
Как она ни далека.

¹ Амация — название мансийской деревни.

Дождливая ночь августа

Клекот ворона мокрым приглушен крылом.
Кто страдает еще под унылым дождем?
Прошептала рябина:

«Мне холодно здесь.

Мой костер потушили потоки небес».
И качает рогами олень под сосной,
Неуютно ему в канители ночной.
В непогоду такую хозяйствует зло.
Облака нынче в тучу сплошную свело.
Люди спят тяжело.

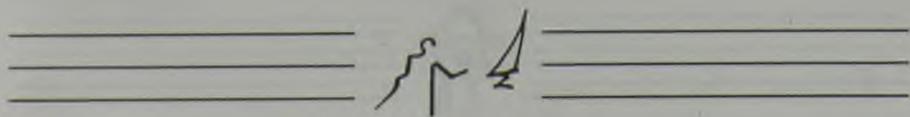
Это знает ворье,

И вершит оно темное дело свое.
Сколько стонов, зловещих угроз: замолчи!
Видно, сам Сатана бродит в этой ночи.
Он идет, и хрустят под ногами грибы.
Эх, зачем родились вы у самой тропы!
Затаилась рябина.

Притихнул олень.

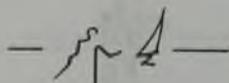
Приходи же скорей, ясновидящий день!

* * *

Наследник Лермонтова я.
И дорожу своим признанием.
Исток любви, душа моя, —
И в милосерды, и в страданьи.
Они Природой мне даны,
Они от божеской дороги.
У кручи —
На руках волны —
Меня ждет парус одинокий.

* * *

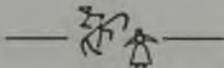
Наверно, я парень-рубаха,
Гуляю, живу, как в бреду.
Но в жизни есть судная Плаха,
И можно угаснуть от страха,
Когда на ответ поведут.
Мы все распоясались ныне —
И честь, и закон нипочем!
Махнули рукой на святыни,
И скучно, и пьяно живем.
Но сразу намерен признаться,
Своей поклонившись Судьбе, —
Ведь что-то священным остаться
Должно и в родимой тайге.
Есть мудрых шаманов заветы,
Наказы беречь Красоту.
С поклоном амбар свой запретный,
Как предки велят, обойду.
Я не принимаю свободы,
Рожденной по прихоти зла...
Под эти зеленые своды
Святыня меня привела.
Я каплю разумного страха
Обрел на развилке дорог.
Я сам сотворил себе Плаху,
Чтоб вечно святыни берег.

Бунтари

Бунтари.
Нет в мире выше
Дерзости и воли их.
Пугачев к народу вышел
Из легенды —
 смел и лих.
И бунтарь веселый Разин
В час последний пошутил:
«Люд честной, не ради казни
я тебя и свет любил!..»
Бунтари,
Они горнисты,
Маяки смятенных дней.
Это Пушкин, декабристы,
Лев Толстой в страде своей.
Бунтарей всегда боялись
И владыки, и цари.
Справедливость, гнев и жалость
Возвышали бунтари.
Много слез, моя Россия,
Ты бунтарски пролила,
Потому что ты, Россия,
бедами Земли жила.
Здравствуй, поле Куликово!
Ты зовешь полки,
 как встарь.
Верь! —
 у времени лихого
Свой появится бунтарь.

Казымская элегия

Осенние волны Казыма
Желты от листвы и хвой.
Дарю эти волны любимой,
Дарю этот лес для любви.
Здесь всюду и сказы, и песни,
Я слышу истории гул.
Глядит на меня неизвестный —
Мой предок —
 печальный вогул.
И взгляд у него удивленный,
В душе вековая мечта:
Никто не отнимет оленей,
К нему не вернется беда.
На быстрые воды Казыма
Летит огневая листва.
«Останусь с тобою, любимый», —
Заветные слышу слова.

Была ты нежною дворянкой

(По мотивам кубанских народных казачьих песен)

Катился вал войны гражданской,
Ломая судьбы, города.
Зачем идешь в поля, дворянка,
Гуляет там сама беда.
Гуляют кони вороные,
И сотня пьяная поет.
На груди юные, тугие
Казак усатый упадет.
В тачанке ночью ты проснешься,
Она летит в разгульный край.
И самогонки ты напьешься
И крикнешь: «Девочка, прощай!»
Тебя в станице Голубицкой
Научат шашкою рубать.
И станешь ты в степях, как птица,
И наземь падать, и взлетать.
Была ты нежною дворянкой,
Теперь сама ты — атаман.
И, как у знатной половчанки,
Есть именной в степи курган.

1998

Кубань,

станция Старотитаровская

Барсук

Смотрел ли вам в глаза седой барсук?
Так смотрит Смерть, натягивая лук.
Он словно человек и дьявол тьмы,
Глядит —

и веет стужею зимы.

Невольно дрожь проходит по спине,
И хочется бежать скорее мне.

Он тайну ночи —

в истину поверь —

Таит в себе, ночной сторожкой зверь.

Когда устанет ёрничать сова,

Когда уснут зорьки и трава,

Барсук выходит из норы своей

С дыханьем смерти на концах когтей.

О, надо видеть в этот час его!

В глазах мерцает злое торжество.

Он запахи живые ест и пьет,

Он тренирует свой всеядный рот.

Вперед к добыче!

Зашумел пырей,

И... заработал телеграф корней

И, зверем потревоженных, ветвей.

Позывы эти сеют страх, испуг:

Проснитесь же скорей! Идет барсук...

Спешат лучи зари на крик и стон.

Барсук вернулся.

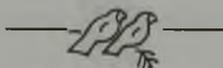
Погрузился в сон.

В предновогоднюю ночь

Мороз дыханьем сосны колет,
Знобит в сугробе косача.
Не выходите, люди, в поле
По лихости и сгоряча.
Сейчас в лесу свои порядки,
У озера свои права.
Играет стая волчья в прятки,
Звучат гортанные слова.
Хохочет филин в чаще темной —
Ночной концерт весельчака.
А Дед Мороз метлой огромной
Метет на озере снега.
Подарит он каток зайчатам,
Устроит шумный хоровод.
И будут рыбы пляске рады,
Им видно все
сквозь чистый лед.

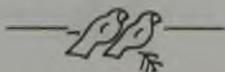

* * *

*В нынешний студеный и
неприветливый май в мой
палисад прилетело много
снегирей.*

(От автора)

Куда зовете, снегирь?
Наверно, в мой кедроч печальный,
Он в детстве, в благовест пасхальный,
Со мною нежно говорил.
На крыльях пасмурной Весны
Явились вы по знаку рока.
Ведь я могу упасть до срока
В сугробы каверзной Зимы.
Да, я сегодня одинок,
Я от предательств изнемог.
Вы пойте, снегирь мои,
Про этот лютый холод в мае,
И он в душе моей растает, —
Я вновь воскресну для любви.

Спор

Мой друг сказал: «Я музе верен».
Ему в ответ: «Ну, что с того?
Ты нереален, брат, без денег,
Без них ты для меня никто.
Вот у меня машина, дача,
Всем обеспечена семья.
И деньги, деньги...

Это значит —

Что захочу —
все у меня.

А у тебя стихи,
стихами

Не будешь сыт, сколь ни кричи».
Поэт молчал.

Сверкнул глазами,
Скрестились спорные мечи.

«Тебя не удивишь стихами,
Голубизной еловых лап.

Ты и во сне живешь с деньгами,
Ты этих денег ловкий раб.

Жируй на Кипре, на Канарах,
А я поеду на Байкал.

И там сосновую хибару
Построил я меж ярких скал.

Живу в согласии с лесами,
И с небесами, с рыбаками.

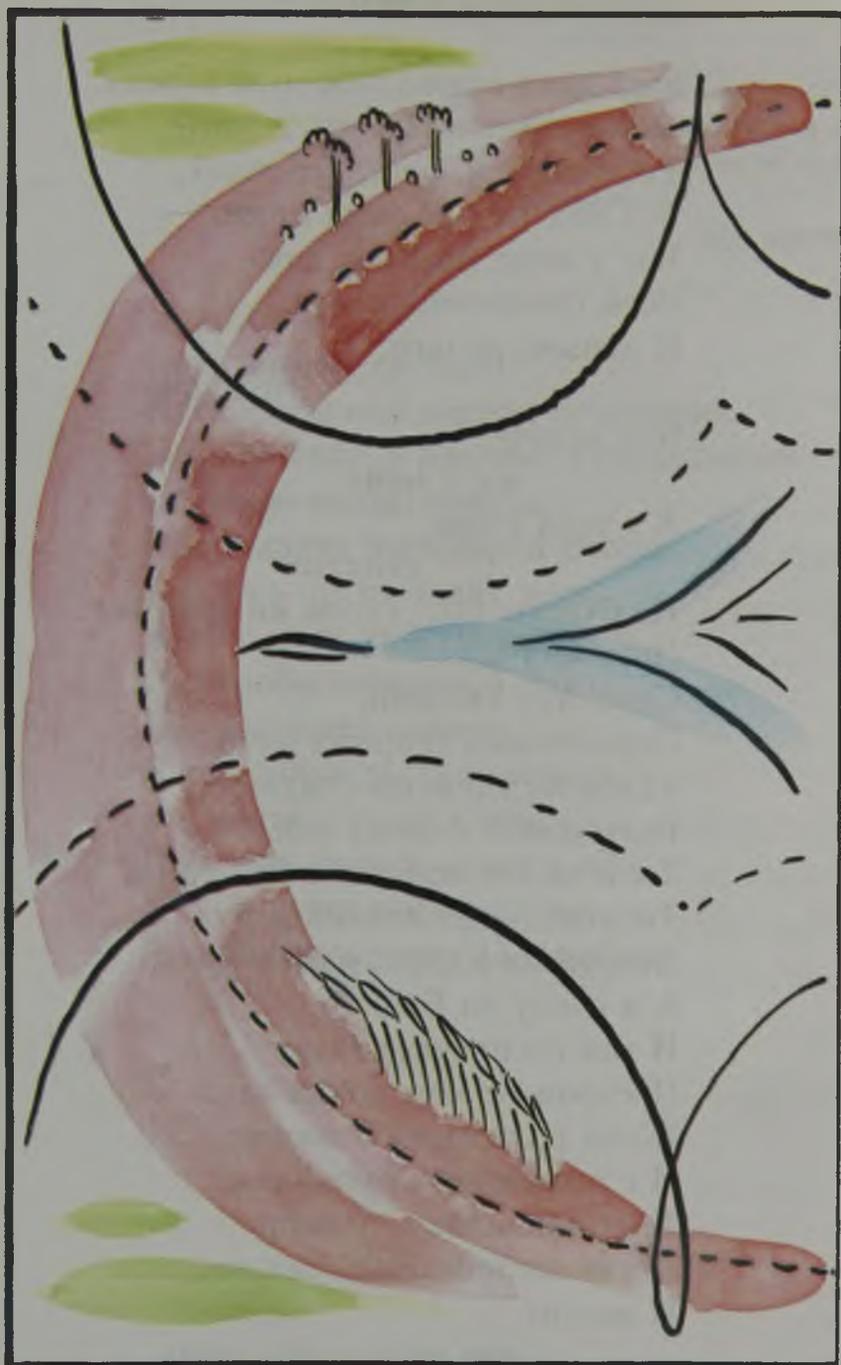
Тебя я не клянупу, банкир.

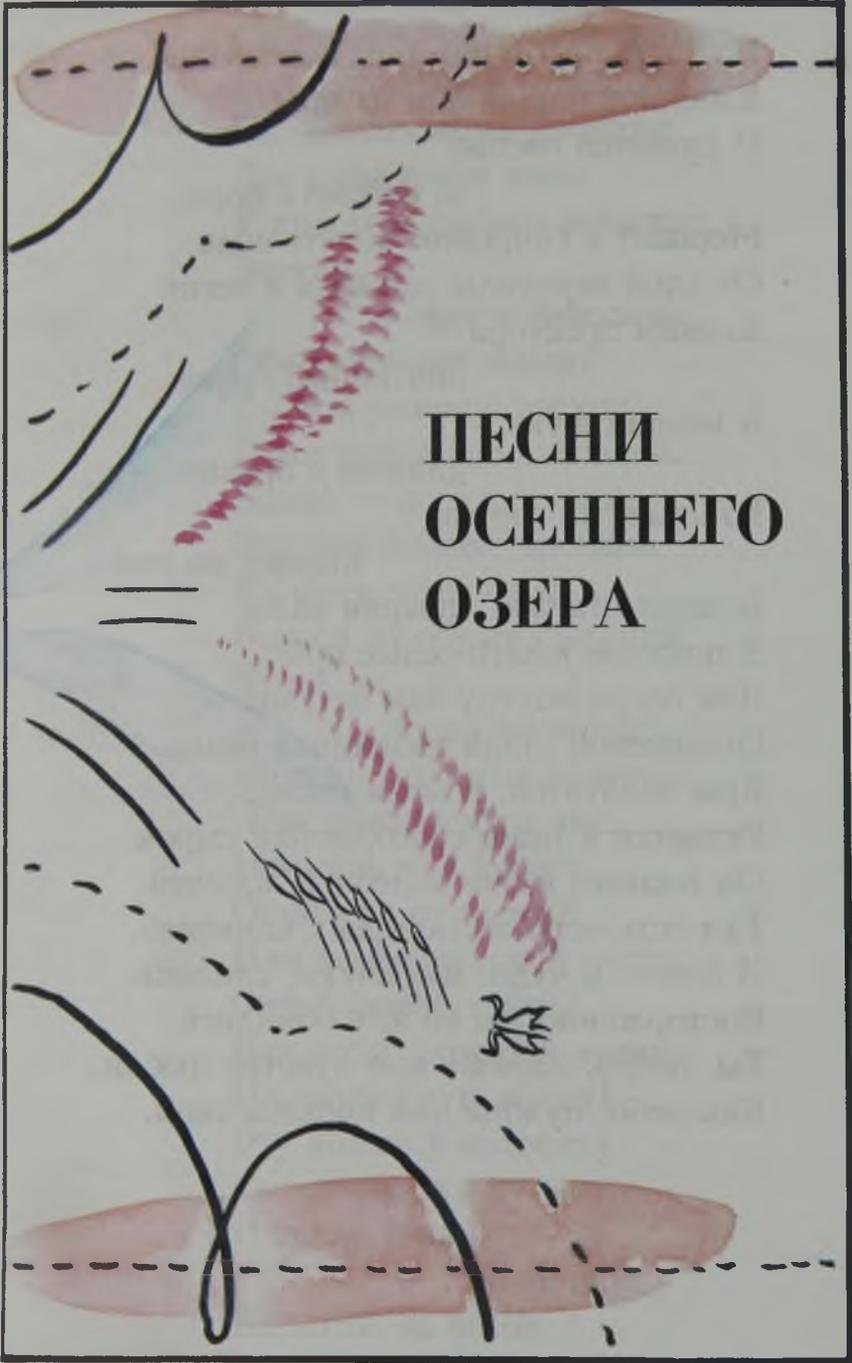
Живу вселенскими стихами,

И значит —

мне подвластен мир».

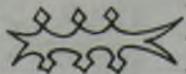
**ПЕСНИ
ОСЕННЕГО
ОЗЕРА**

* * *

На Ендырском озере пляшут валы.
Взбегают порою они на яры —
И рушатся сосны,
и, словно слюда,
Мерцает в свирепом полете вода.
От злой непогоды зарылся в песок
Хозяин простора —
почтенный сырок.
А черная щука —
длиною с бревно —
Взлетает на гребни,
ныряет на дно.
Бушует стихия, швыряя валы
В покатые желто-седые яры...
Лик озера поутру нам не узнать:
Оранжевой стала громадная гладь.
Яры золотятся, ссылая песок,
Резвится в тиши серебристый сырок.
Он плавает возле целебных ключей,
Там есть острова молодых камышей.
И благо, и чудо, как звуки, слились,
Восторженно мы на яру обнялись.
Ты, озеро, даришь нам чувство любви,
Как небо, нужны нам порывы твои.

Рассказ егеря

Слышно в сумрачной заимке —
Волны словно в бубен бьют.
Под окошком на рябинке
Две малиновки поют.
У крыльца собаки внемлют
Звукам,

 глядя в небосвод.

Обволакивает землю
Тайной розовой восход.
Голос бубна все напевней.
Боже! — догадался я, —
Это фея знаком древним
На реку зовет меня.
Вышел на обрыв сыпучий.
Чудо! —

 лодка на волне.

Женский голосок певучий
Приближается ко мне.
Неужель моя невеста
Осмелела от тоски?
Или хочет женской мести
Фея боровой тайги?
Как весло ложится ловко
На прибойную волну!
Эту лодочку-кедровку
Смастерил я в ту весну.
И весло узнал.

 Тропинкой

Выбегаю на песок.

Болото

Осока охранно строга,
Она озерки укрывает.
На кочки — свои берега —
Зовет журавлиные стаи.
На кочках, как радуга дня,
Морошка свежа и румяна.
Хватает багульник меня,
Своим ароматом дурманя.
Никак не пройти к озеркам,
Шипучие топи бездонны.
Зато здесь уютно чиркам,
Для лебедя — угол укромный.
Опять я Природе дивлюсь:
В болоте соседствуют странно
И восхищенье, и грусть,
И нежность, и холод обмана.

Ранняя осень

Залит снег брусничным морсом —
Соком зреющей зари.
А над яром, на откосах,
Распевают снегири.
Манит птиц к рябине иней,
Пламя знобкое ветвей.
Эти ягоды рябины
Даже зорюшки красней.
Выпал дивный нынче случай, —
Рассуждают снегири. —
Скажем мы друг другу:
Скушай
 по три ягодки зари.

Дядя Саша

Посошок ступает в лад с ногами —
Дядя Саша делает обход.
Пять домов окружены лесами,
Пять складов вблизи озерных вод.
Дядя Саша — сторож этой базы,
Брошенной на произвол ветров.
Сам себе рассказывает сказы
На тропинках ягельных боров.
А тропинки эти у обрыва,
Далеко вдоль озера бегут.
Как бывает сердцу сиротливо
На безлюдном хмуром берегу!
Дядя Саша смотрит в небо долго, —
Может, лик увидится Христа.
И в глазах его озябших, горьких
Вспыхивает звездочкой мечта.
Видит:
 он сидит в кругу застолья —
 два сыночка славных
 и она —
Божий дар таежного раздолья —
Милая, любезная жена.
Улыбнулся дядя Саша миру
Первый раз за восемь горьких лет.
И почувствовал былую силу.
Вот оно — спасение от бед!
Вдруг увидел тучу грозовую.

Вздрагнул.

Оглянулся —

ни души.

«Господи, да где вы?!»

В даль какую

Вы опять, сердешные, ушли?

Помните,

я с вами всей душою.

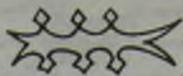
Здесь не я —

седая тень моя...»

Он идет с поникшей головою —

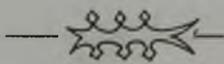
Твой отшельник, мученик, земля.

К озеру

Всевышний тебя обожает,
Давно бережет для людей.
Береза над яром сияет
Парчовой одеждой своей.
Озерные воды и в мае,
И осенью словно в цвету.
Торопятся певчие стаи
Увидеть твою красоту.
И прежде, чем кануть в берлогу,
Осмотрит медведь с высоты
И волны, и птичьи дороги,
Чтоб снились цветастые сны.
Я сам наполняюсь пареньем
У этих живых берегов
От музыки и вдохновенья
Крылатых берез и валов.

* * *

У тетерок есть своя поляна,
От ручья она недалеко.
Росную бруснику утром рано
Кушают с припевом: ко-ко-ко.
Прежде кочки теплые покинув
Клюквенно-морошковых болот,
Сонные, сидели на вершинах,
Глядя на загадочный восход.
Увидав с высот родного бора
Огненно-оранжевый овал,
Стая из двенадцати тетерок
Совершила странный ритуал:
Трижды облетев свою поляну,
Села на бордовый мох-ковер.
Голосом тетерок нынче рано
Небо начинает разговор
О судьбе твоей, сосновый бор.
«Ты не слышишь, ласковый, беспечный,
Гром машин вблизи своих границ.
Скоро ты останешься навечно
Одиноким,
без небесных птиц».

Ночной рыбак

Опять с восторгом едет в ночь
Старик отчаянный, бывалый,
От суеты домашней — прочь.
Ах, воли вечно не хватало!
И свежий ветер, и волна
Его зовут к удаче смело.
Вдали манящая стена
Тайги,
 по-августовски спелой.
Ждет старика обской залив,
Где муксуны сейчас резвятся
и осетры на дне таятся.
Рыбак бывалый терпелив.
Он ставит сети не спеша,
Доволен небом и собою.
И чувствует его душа —
Он будет с рыбиной большою.
Причалив лодку,
 долго он
Просторы озирал родные.
Услышал уток сладкий стон.
Барсук захрюкал за бугром.
Проснулись чайки шепотные.
Затрепетала сеть вблизи.
Старик уже — само вниманье.
Сказал: «Балуются язи,
Зари предчувствуют сиянье».
Вдруг взволновалась глубина.

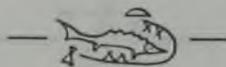
Качнула лодку, сеть рванула
Враз закипевшая волна,
В лицо, смеясь, водой плеснула.
Старик нахмурился.

Рукой

За сеть схватился что есть силы
И прыгнул в лодку.

И волной

Их по заливу закружило.
Громада рыбина плыла,
Себя запутав в сеть нелепо.
Она обречена была,
Она металась в гневе слепо.
Дав осетру прийти в себя, —
Утихла ярость понемногу, —
Старик от радости хрипя,
Им овладел. И слава Богу!
Потом сидел он у костра.
Сиял залив в лучах восхода.
Сказал себе: «Пора домой.
О, люди, ночь — моя свобода».

Август

Август мой рыжебородый,
Август — добрый великан,
Ты идешь —

мелеют броды,

Листья падают к ногам.

Если ты махнешь рукою,

Непогодой пригрозишь, —

Птичьи стаи над тобою

Направляются в Париж.

Объ тебе всегда внимает,

Твой подарок принимает —

Золотые пятаки.

А взамен тебе вручает

Нельмы нежной косяки.

Август огненноволосый,

Друг, постой, не уходи!

Он ушел.

Оставил росы —

Эти искренние слезы

На предзревом пути.

Ворон

Цветут таежные озера.
Им разве тайну утаить?
Цветет вода.
И старый ворон
Не смеет и глоток испить.
Не зная от рожденья лени,
Осколки туч тая в глазах,
Он триста лет имел терпенье
Сулить другим беду и страх.
Сегодня, чувствуя кончину,
Он, к удивлению, прозрел.
И, как впервые на рябину,
На луг,
на облака глядел.
За песню принял в синей гуще
Кедровой
птиц тревожный гвалт.
И воду он признал цветущей,
И восхитился,
И упал.

* * *

Памяти брата Михаила

Вокруг моих священных кедров
Полно и стрел, и черепов.
Здесь укрываемся от ветра
И от раскатистых валов.
Мы спать устроились на гриве¹,
На безмятежном берегу.
Братан уснул.
А я пугливо
Гляжу во тьму,
Видений жду.
Стоит кедрач глухой стеною,
В нем точка света родилась.
И между мной и этой тьмою
Родилась трепетная связь.
И словно токи, звуки леса
Мое пронзают существо.
Мерцающая, мрачная завеса
Вдруг озарилась глубоко.
Шел свет загадочный из глубины.
Я в страхе был — комочек глупый,
Я слышу чей-то разговор.
И... расступился черный бор.
Струился свет ручьем.
С крестами
Семь великанов в белом шлеме.

И — как ожгло меня лучами —
Крик выплеснулся из души...
Брат обнимал меня смятенно,
Он разгадать мой страх сумел.
— Ты, видно, долго в лес смотрел?
Тут, брат, привидится такое...
Коль страху сердца волю дать.
Запомни —
Место здесь святое,
И все чудачество лесное
Пора умом воспринимать.

¹ Грива — прибрежная полоса кустарника.

* * *

Ночь.
Поломаны окна и двери.
Сквозь гудящий от гнуса проем
Вижу —
К дому шагают деревья,
Слышу грозно рокочущий Гром.
В эту ночь грозовую напрасно
Я в квартиры знакомых стучал...
В пьяной драке избитый нещадно
В сенках брат, умирая, стонал.
Бесшабашный,
Поверивший рано
В силу крепких своих кулаков,
И сейчас, при последнем дыханьи,
Силу эту возвысить готов...
До зари не откроются двери,
Видит сны равнодушный народ.
Вижу —
К дому шагают деревья,
Это Гром за собой их ведет.

Право Природы

Луговины синевой объяты...
Половодье — божья благодать.
У протоки, в пламени заката,
Щуки начали икру метать.
Прет икра из них девятым валом,
И кусты, и травы —
 все в икре.
И вода оранжевою стала,
Как бывает летом на заре.
Половодье рыбьего волнения —
Право от Природы на любовь,
Половодье яркого цветенья
Радуг, и деревьев, и цветов.

Таежное

Есть озера синие в Урае,
Не стихает там утиный крик.
И растет на диво в этом крае
С голубой каемкою сосняк.
Приезжайте.
У лесной сторожки
Встретит вас веселый следопыт.
Он душой распахнут,
и немножко
Фантазер,
из сказок леса шшит.
И когда его чайком распарит,
Поведет он, лежа на боку:
«Че тебе я расскажу-ка, паря.
Шел лонись за глухарем в тайгу.
И медведь —
сама гора Шайтанка
На меня шагает на дыбах.
И струхнул я:
поздно за берданку...
Слава богу, сила есть в руках.
Вот сошлись мы нешутейно.
Душит,
Гнет меня он, лиходей, сопя.
Шмыг я под него —
и эту тушу
Враз перемахнул через себя.
Темь в глазах —

Как побывал под танком.
Глянул я, куда медведь упал.
Где же он?
И где моя берданка?
Он, лешак, с берданкою удрал...»
А костер горит.
Сова хохочет.
Все с охотником случиться может.

* * *

Памяти Светланы Гарбуз

От зноя — марево окрест,
От паутов нет избавленья.
Тревогу вызывает лес,
Его глухое отчужденье.
Чу! Где-то ворон прокричал.
Неужто горе предрекает?
Признайтесь, люди,
кто устал?

Светлана головой кивает.
Тогда иди.

Невдалеке

Река, и катер, и прохлада.
Боль родилась в груди, в виске,
Спешить, спешить на берег надо.
И эта спешка подвела:
Ты не туда пошла, Светлана.
Родился страх.
Друзей звала.
В слезах шептала: «Мама, мама...»
Остановилась.

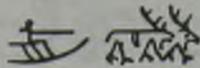
Напряглась

Как та струна, что на пределе,
Могла бы ликовать, смеясь,
Могла бы, но... оборвалась.
Она держалась еле-еле.
И все-таки сирены звук

Она, услышав, улыбнулась.
Ведерко выронив из рук,
Навстречу жизни той рванулась.
О, боже, как хотела жить
Она в расцвете лет и плоти!
Еще нежнее всех любить!
Но... Гром уже по небу ходит.
И, обессиленно бледна,
Упала в травы луговины.
Успела вымолвить она:
«Прощайте все...
Прощай, любимый...»
Прощай и ты.
Твоя гроза
Взяла тебя на небеса.

Сентябрь

На желтых листьях — седина
Лосиной шерсти —

память гона.

Лосиха на яру хмельна,
Боками вздрагивая,

стонет.

Сохатый, поломав рога,
Обрел ее в бою жестоком.

На бурых листьях тальника
Лежит соперник одиноко.

Сентябрь неистов,
Дерзок он —

Охапками бросает листья
В глаза лосихе,

в морду лисью,

Он распалил лосиный гон.

Сентябрь неистов, как цыган

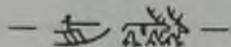
И в пляске, и в любви горячей.

Гуляет он.

А по ночам

Он, грешник кающийся,

Плачет.

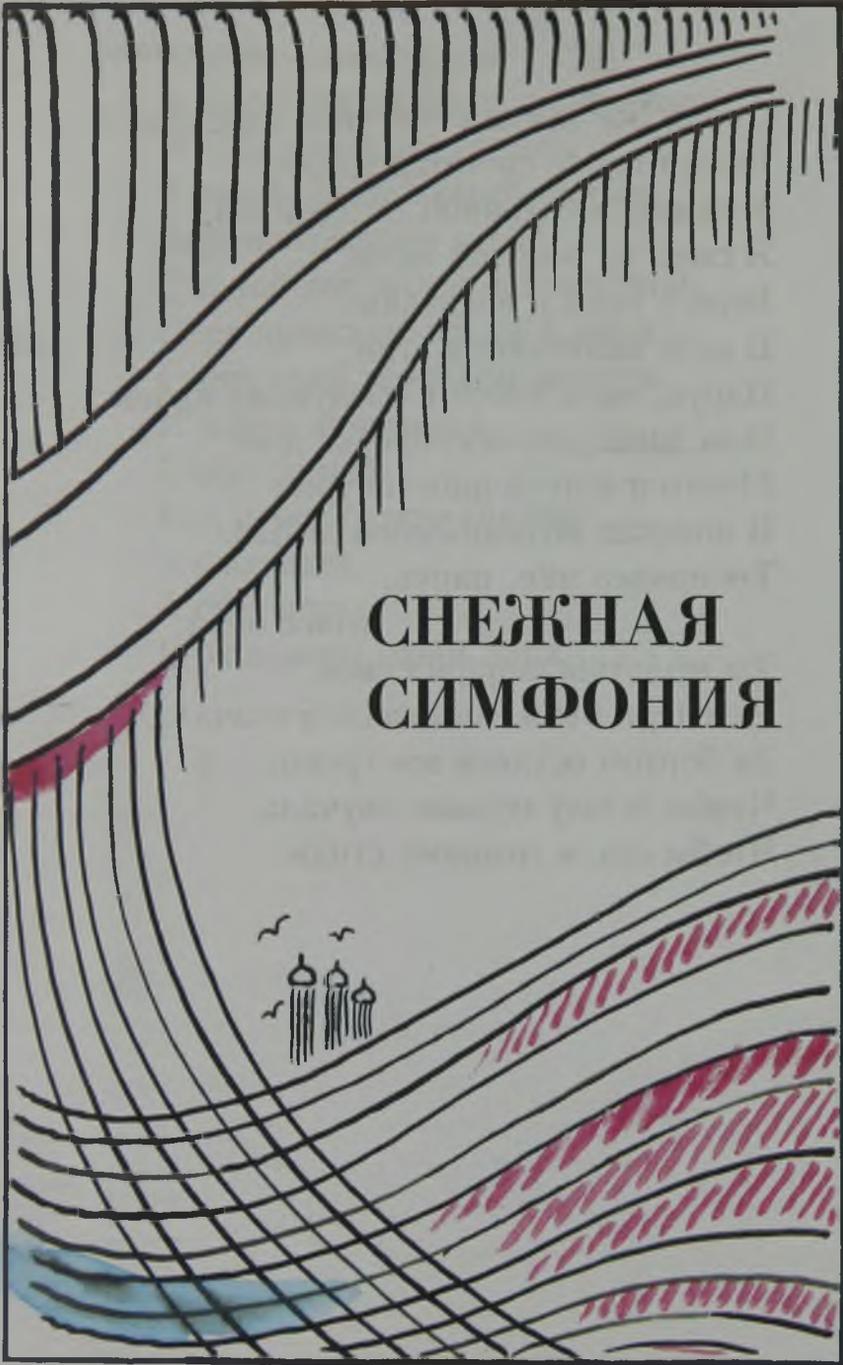

* * *

Иду, распахнув свою душу
Ветрам, небесам и лесам.
Я клятву свою не нарушу —
Служить солнцеликим словам.
И кедрам стоять в озареньи,
Подснежникам майским цвести
На этом благословенном
И милосердном пути.

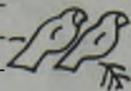

**СНЕЖНАЯ
СИМФОНИЯ**

Первый снег

Березы матово-белы
В накидках заячьих, пушистых.
И чуть качаются стволы
В тумане нитей серебристых.
Березы трепетно стоят.
С такой вот долей неизвестной,
Одев прощальный свой наряд,
Стоит пред зеркалом невеста.
И вдруг притихнет,
Вдруг замрет,
Как перед бурей синица...
А снег идет,
А снег идет,
И молодеют наши лица.

Песня жениха

Под окном береза алая
От небесных снегирей.
Я назвал березу Галею
В честь возлюбленной моей.
Будет свадьба по-старинному.
Колокольный перезвон
Самолету реактивному
Донесет любви поклон.
Будут тройки и бубенчики,
Как ведется на Руси.
Скажут люди:
 вы обвенчаны,
На руках жену носи.
Может, грянут дни усталые.
И, признав свою вину,
Я скажу: «Береза алая,
Помоги беречь жену».

Мятеж зодчих

*В стране давно нет архитектуры...
(Из разговора)*

У наших зданий нет полета,
Они угрюмы, тяжелы.
И в зданьях у людей забота —
Достать дубовые столы.
Нет мастерства и вдохновенья
На стройке с лозунгом — «Скорей!..»
Живут далеких дней творенья,
Извечно радуя людей.
У мастеров закон и право —
Творить от сердца, от любви.
Спас на крови —
Храм величавый,
Молюсь на купола твои.
Творенья рук —
как вызов Богу,
Как вознесение души.
Зовут ослушника в дорогу
И Храм Софии, и Кижичи...
Я слышу реквием порталов,
Звучит симфония колонн,
И флейты белоснежных залов
В сердцах рождают сладкий стон.
Душа поверить не хотела,
Сейчас поверила мечте.
Природа зодчему велела
Служить мятежно
Красоте.

Ради новых ошибок живу —
Я на голос ответственую вещей,
Ради новой росы на траву,
Ради нового взгляда на вещи.
Потому улететь не боюсь
На орбиты космических высей.
В бесконечности той повторяюсь
Благородными генами мыслей.

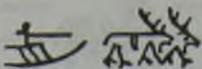

Исповедь таежника

Есть края душевных очищений,
Хоть ползком,
но доберусь туда.
От моих опасных треволнений
В сердце не останется следа.
Прикоснусь, как сын,
к дорожным травам
И к сосне, поющей под дождем,
И пойму,
что в мире есть отрава —
Деньги, обретенные враньем.
Ты прощай, мой особняк крикливый!
Жадность необъятная, прощай!
На заимке, в тишине залива,
Я обрел невыдуманный рай.

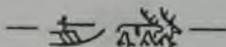

Важенка

Белая важенка
Белого бора,
Ты в ожидании
Сильного хора¹,
Гордого, смелого.
Смотришь печально:
Где он с короною
Снежной, хрустальной?
Где он порывистый,
Ловкий, горячий?
Тропкой искателя
Входишь ты в чашу.
Запахи ягеля,
Запахи хора.
Тропы знакомые
В темени бора.
Ночь непроглядная
В дебрях,
И снятся
Взгляды зовущие
Хора-красавца.

¹ Хор — олень, бык.

Белый май

В оранжевой дымке Нева,
И белое небо над нами.
И пахнут сиренью слова,
Рожденные в муках сердцами.
«Ты будешь навеки моя», —
шепчу,

твои плечи лаская.

Но вспыхнула в небе заря —
Разлучница белого мая.

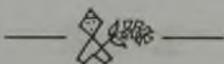
Ты, вздрогнув,

меня обняла:

«Послушай, как скрипка играет.

И плачут колокола...»

Наш май в небеса улетает.

Гармония утра

Над камышами желтые туманы,
Оранжевые блики на воде.
Я прихожу сюда утрами рано,
Чтоб поклониться здешней красоте.
Я не один живу сейчас восторгом.
Смотри: глухарь сидит, разинув клюв.
Не шелохнется,
 Околдован зорькой,
Шлют лебеди признание: клу-клу-клу.
Ты ходишь возле паруса, у лодки,
Меж нами есть волнующая связь.
С твоею и улыбкой, и походкой
Гармония рассвета родилась.
Сегодня мы распахнуты Вселенной —
И небесам, и желтым камышам.
И жить бы нам в любви и удивленьи,
Но кто-то злой готовит ссору нам.

И шлет ему поклон сорока —
Вещунья северной зимы.
Березов славен соболями,
Оленями и вьюгой злой...
Шли декабристы под ветрами,
И политссылных вел конвой.
Встречал гостей Березов снежный
Радушно

и давал им кров.

И становился сам мятежным,
Бывал, как Ваули¹, суров.
И станет пасмурно и страшно
И предкам, да и нам самим,
Когда на поиски отважных
Вдруг равнодушно поглядим.
Да будет вечно в душах юных
Гореть мятежный, смелый дух!
Об этом пойте людям, струны,
Об этом пой всегда, нар-сьюх²!

¹ Ваули Пиеттомин — вожак пенецкой бедноты.

² Нар-сьюх — хантыйский музыкальный инструмент.

Фанагорийцы

*У великого полководца А.В.Суворова
Фанагорийский полк в его армии был
любимым.*

(Примечание автора)

Когда казалось — крах, конец,
Фанагорийцы шли в атаку.
И сыпался дождем свинец
На непреклонную отвагу.
Стеною шли —
 плечом к плечу,
Штыки сверкали, торжествуя.
О, Боже, ты поставь свечу,
За этих воинов ликуя.
И если кто-то умирал,
Пронзенный пулей роковою,
Шеренги он не покидал,
Он лишь винтовку опускал,
Качая хмуρο головою.
Шли сквозь картечь.
 И видел враг —
Полк гренадеров не редееет.
И враг кричал: «Спаси, Аллах!
Спаси от гибели скорее!»
Но приближались к ним штыки,
И белый всадник —
 сам Суворов.
Ура! — и в панике враги,
Знамена брошены с позором.

Окончен бой.

Костры горят.

И песни рвутся вдаль Вселенной...

В те годы — люди говорят —

Была Россия вдохновенной.

1998

Тамань

Осенний вальс

Даже сквозь тучи ты мне улыбайся,
Даже сквозь слезы, о жизнь.
Есть в листопаде мелодия вальса,
Милая, в вальсе кружись.
Там, вдалеке от меня, не печалься,
Осень для счастья горит.
От горизонта мелодия вальса
В сад мой цветущий спешит.
Белую вьюгу таят хризантемы,
Астры влюбленно глядят.
Звуки крылатые дарит нам время,
Пары, танцуя, летят.
Дамы, примите букет георгинов —
Символ своей красоты.
Смотрят на вас озаренно мужчины,
Давние вспомнив мечты.
Даже сквозь тучу ты мне улыбайся,
Даже сквозь слезы, о жизнь.
В музыке вальса, в музыке вальса,
Мир, восхищенно кружись.

* * *

Явись, ромашковое поле,
Зарницей желтого платка.
Я брошу пьяное застолье,
Примчусь к тебе издалека.
Вы дайте милостиво, боги,
Хотя бы день из жизни той?..
И вот веселый, босоногий
Бегу тропинкой полевой
Навстречу будущему риску,
Навстречу будущей любви.
Уже тогда увидел близко
Глаза лучистые твои.
Мое таинственное детство
Мне дало чувство Красоты.
И будут вечно петь у сердца
По веснам желтые цветы.

Признание станичного казака

*Друзьям из станицы Старотитаровской
я привез из Сибири сосновый хвойный
концентрат. В итоге появились стихи.*

(От автора)

Хвойной ванны аромат
Греет сердце, будоражит.
Каждый нерв в водиче рад,
Становлюсь я телом краше.
Ну-ка, женка, горячей
Разведи мне эту хвою,
Чтобы враз я стал сильней,
Словно воин древней Трои.
После ванны в душ шальной, —
До озноба ледяной.
Ах, ты женка зоревая,
Соком яблок налитая,
Глянь, какой я молодой!
Одеваюсь для красоты
И соблазна милой ради.
Иностранные трусы
Пригодились очень кстати.
Все для шика в этот час,
Для веселых черных глаз.
Вот рубашка — маков цвет,
Равной ей на свете нет.
С красным заревом фуражка
И с намеком грозным шашка.

А сейчас стакан вина
Не грешно мне приголубить.
В эту ночь меня жена,
Верю, заново полюбит.

1997

*станция Старотитаровская
на Кубани*

Новый Диоген

*Друг Виктор Жорник написал мне:
«Живу, как Диоген, один, вольно.
Халупа моя напоминает бочку...»
И родились мои стихи.*

Дружок мой бочку Диогена
На хитром рынке приобрел.
Живет в ней мудро и смиренно,
Ему завидует орел.
И стал дружок мой знаменитым.
Воскрес Пророк! — идет молва.
Заволновался Запад сытый,
И затревожилась Москва.
И к морю, к бочке Диогена,
Явился Ельцин по делам:
Советы выслушать степенно,
Прощенья испросить грехам.
Сказал с улыбкою хитрущей:
«Хотел пожить бы в бочке сам.
И жизни я не знал бы лучшей,
Народ бы шел к моим стопам.
А нынче каждый оборванец
Меня, как хочет, костерит.
Ей-богу, жить я в бочке стану!
Мне скряться в ней Христос велит».
И друг-пророк ответил мудро:
«Дарю я бочку. Залезай...» —
«Да, погоди ты. Экий шустрый!
Ты время для раздумья дай...»

Уехал Ельцин. Шлет приветы.
Пророк забыл его мечты.
Он, Диоген, мыслитель света,
Пришедший в мир для правоты.

День прощения

Ты задумчив, День прощения,
Ты от Бога, от Весны.
Люди жаждут избавленья
От печалей, от вины.
Коль на сердце камень грешный,
А в душе туман и лед, —
Человек живет потешно,
Как барсук в норе живет.
Люди жаждут избавленья
От грехов.

Прости, Христос.

Ой, как нужен День прощения! —
Накопилось много слез
В добрых душах за Россию,
За себя и за народ.
День святой, воскресный, синий
Всех на исповедь зовет.
Я упал с мольбой на снежный,
На могильный бугорок.
И услышал голос нежный:
«Я прощаю, мой сынок».
Слава Богу, мать простила.
Ты прости меня, отец.
Вашу братскую могилу
Знает ветер — мой гонец.
Буду ждать твое прощенье
С финской дальней стороны.
Буду ждать я на коленях
От мучительной вины.

И от бабушки родимой
Тоже буду слова ждать.
Верю, что она хранима
Небом,
 в небе благодать.
За вину как преступленье
Неба чувствую презренье
И укор лесов и трав.
Я прошу у всех прощенья:
Был невеждой, был неправ.
А кругом мольба и плачи,
Добрый смех и горький стон.
Кто-то хочет жить иначе,
Кто-то снова в жизнь влюблен.
День ушел.
Он на прощанье
С неба глянул — боже мой! —
Вновь Земля как поле брани,
Как осколок огневой.

* * *

Сестре Нише

Где ты, Аманья¹ моя?
Где священные амбары?
Месть разгульную тая,
Над тобой прошли пожары.
Где колчан для стрел моих?
Я послал их ввысь далеко
Для загадочного Бога,
Пусть хранит с улыбкой их.
Но когда воспрянет зло
На земле моей таежной, —
Значит, время подошло
Глянуть Богу вниз тревожно.
И ударит гулко гром,
Вспыхнут молнии повсюду.
Бог возьмет колчан,

потом

Скажет: «Кайтесь, злые люди!
Или огненным дождем
Стрел моих
вас покараю...»

Где ты, детство?
Под окном
Стрелы в небо отправляю.

¹ Аманья — название мансийской деревни, деревни детства.

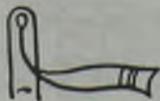

Эх, новый купец!

Чайникову Леониду Григорьевичу

Запах воли, мороза и сена,
Запах водки, оленьих рогов
Он принес в мои тихие сени,
В мир моих обручальных стихов.
Скинув на пол и шапку, и шубу,
Он и вправду до ниточки свой, —
Горделивую спутницу Любу
Приглашает к застолью рукой.
Он купил на Ямале оленей,
Пропил в Омске на спор пароход.
И сейчас он фартовый, метельный,
Вновь к себе приключенья зовет.
Любит рябчиков, спирт, строганину,
Гулеванит по-царски в лесу.
А потом с головою повинной
На себя вызывает грозу.
Он познал разоренье с лихвою,
Он опять начинает с нуля.
Бог качает тогда головою:
«Так и быть, — помогу тебе я».

Не вспоминай
(романс)

С моих кедровых гор несет прохладой
И ароматом хвои смоляной.
Мы были там, мой друг, с тобой когда-то,
И ты клялась,
 что будешь век со мной.
Куда ты, время, унесло мой шепот:
«Люблю тебя».
 Мне было тридцать лет.
И я услышал древних кедров ропот:
«Не вспоминай.
 Не надо новых бед.
Живи один,
 так велено Судьбою,
И от людей сочувствия не жди.
Она уже не встретится с тобою,
У ней чужие для тебя дожди».
Не вспоминай, —
 шепчу я отрешенно. —
Прощай навеки, бывший милый друг.
На эти горы я гляжу влюбленно,
Родилась здесь тропинка наших мук.

* * *

Гляжу с тропы —
Глазам не верю:
Амбар четырехногий мой
Среди обугленных деревьев
Стоит угрюмый, но... живой.
Каким бы он нелепым не был,
Есть вера-идол у него,
Есть грозное с богами небо,
Ему дружить с тайгой легко.
Что я в душе своей имею?
И что мне людям говорить?
Есть вера в правду жизни.
С нею,
Конечно, можно ярко жить.
Но если в душах нет святости,
То в душах наступает ночь:
Отец в детдом уводит сына,
Больную мать бросает дочь...
Вы посмотрите на ребенка,
Он солнцу верит, как цветок.
Ах, жить бы нам красиво, звонко,
Чтоб улыбнулся в небе Бог!

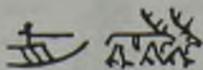

Мелодия Балатона

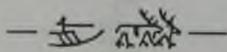
Темно-лиловые сливы
Под ветерком
Падают неторопливо
Белым стихом.
Падают в росные травы.
Спит Балатон.
А на вершинах алых —
Утренний стон.
От колокольни зеленой
На Балатон,
На розоватые кроны
Тронулся звон.
И зазвенели вершины:
О, Балатон!
Даже твои глубины
Вызвенил звон.

Снежная симфония

Затерялась в поле ель
И береза стройная.
Ой, метель, моя метель —
Снежная симфония.
Звоны звонкие сейчас
Церковь шлет стозвонная.
Слышит путник этот глас
И моя симфония.
И заблудшему в пути
Этот звон — спасение.
Просыпается в груди
Чувство вознесения.
Ой, метет кругом, метет
Белое и черное!
Зло вороньи гнезда вьет
И ревет скоромное.
У метелицы полет —
До звезды, до космоса.
Космонавт с надеждой ждет
Праведного голоса.
И гремят колокола —
Эта воля вечная.
В колокольный звон вошла
Песнь моя сердечная.
Ой, черемуха цветет
Белая и знойная.
И опять звучит, поет
Снежная симфония.

Венчает лиственница строй
Моих древес в таежной жизни.
Она — хранительница той,
Моей поэмы родовой
В глуши заснеженной Отчизны.

Исповедь вора

Я вор, я пропащий мошенник.
Но верь —
 прошибает слеза,
Когда белой ночью Есенин
Посмотрит стихами в глаза.
Признаться, я — странная личность,
Березку у кручи люблю.
Деньжат не имея наличных,
И брюк, и рубашки приличной,
Не злюсь на других, не хандрю.
Но если почую поживу,
Я к ней, как на крыльях, лечу.
Вы правы —
 остаться бы живу,
О деле позорном молчу.
И где-нибудь под крутояром,
Удачу свою подсчитав,
Любуюсь осенним пожаром
И, значит, по-своему прав.
Не пухнуть же с голоду, право,
Коль рядом жируют в дворцах.
Похож я на волка в облове,
Но только с улыбкой в глазах.
Однажды замру я под веткой
С одним утешеньем в груди,
Что этим похож на поэта,
И выдохну в небо: прости!

Прощай, моя шальная жизнь!

(романс)

Прощай, моя шальная жизнь!
Умчались тройки ветровые,
А с ними девы озорные
В страну, где удаль, смех и риск.
Прощай, моя шальная жизнь!
В страну беспечных нет дороги.
Там правят чувствами не боги,
А красота девичьих лиц.
Прощай, моя шальная жизнь!
Тебя я мысленно целую,
Как эту рощу огневую,
Где облетает красный лист.
Прощай, моя шальная жизнь!
Прощай, шампанское и вина!
Сейчас шепчу я у камина:
Вчерашний день, ко мне вернись.

Монолог охотника

У охотничьей сторожки
Много преданных друзей:
Ворон, зоркий и сторожкий,
Два потомства глухарей...
Я встаю всегда при звездах,
И они — мои друзья.
Я в поход,
они — на отдых,
Ночью берегут меня.
Такова в тайге работа,
В этом нет моей хулы.
Соболиному полету
Удивляются боры.
Да и я лететь стараюсь
За искристым собольком.
Как ни маюсь,
как ни каюсь,
Все же встретимся потом —
Он в снежинках,
я — с ружьем...
И настанет вечер звездный,
И настанет час вины.
Понимает лес тревожный
И мечты мои, и сны.

Я — частица природы летучей.
Вновь позвали меня облака,
Позвала искрометная туча —
Вышины грозовая строка.
Улыбается туча: «За нами
Полетишь, одинокость любя.
Не расстраивай только речами,
Коль забуду в пути про тебя.
Но зато ты познаешь свободу,
Страсти радуг, жестокость орла,
И коварство красивого грота,
И слезу на обломке весла.
И не надо мне лишних вопросов,
Без сомнений лети и плыви...»
Замелькали селенья и плесы,
Закружило в случайной любви.
Я однажды проснулся под вечер
От укора знобящей души.
Горько пел за окошками ветер.
Люди, где вы?! Куда вы ушли?!
Ради вас я дружил с облаками
И касался угрюмых вершин.
Я по свету летал за стихами,
Потому и остался один.

Белая ночь

Ночь, как сон и волшебный, и давний,
Ночь, как чайка над Обью, бела.
И на время прозревшие камни
Плачут на косогоре села.
Это им от небес подаренье —
Увидать на мгновенье окрест
Родников золотое свеченье
И молочно-оранжевый лес.
Видят в белых одеждах влюбленных,
Словно тающих в белом дыму.
Всё сейчас —
 для счастливых, смятенных,
И остаться нельзя одному.
Не спеши, огнекрылое утро,
На дорогу свою не зови.
Эта ночь, это белое чудо —
Облик первой далекой любви.

* * *

Я жил в раю
Цветов и кипарисов.
Но даже в этом
Благостном краю
Ты был со мной, мой Север, —
Часто снился.
Тебе венок лавровый я дарю.

1978

Ялта

Озерная сосна Суоми

Светловолосая сосна,
На камне как живешь одна?
Цветок на каменной меже,
Поведай боль моей душе?
— Бывает грустно.
Но волна
Ко мне сочувствия полна.
То напоит меня водой,
Когда сердит бывает зной;
То воздух сладкий, словно мед,
Она под ветром принесет.
В грозу неистова волна,
По воле туч летит она.
Меня жалея, в камень бьет
И... в брызгах радужно цветет.
А на закате к нам с небес,
Наверно, сходит рыжий бес:
Рыжеют камни, лес.
Волна
В тот миг — как рыжая струна.
А утром парус рыбака
Волна несет, как мех, легка.
И машет мне рыбак рукой,
Кидая невод огневой.
О, нет, мой друг, я не одна,
Со мной рыбак, со мной волна.

1995

Ювяскюль

* * *

Дни грядут голубые и талые,
Только б нам не коснуться беды,
И тогда на апрельской проталине
Бело-синие вспыхнут цветы.
Оглянусь —
 и пойму в озарении —
Этот миг для тебя и меня.
Избежим мы навек сожаления
С неповторною свежестью дня.
Ты — Богиня растаявшей снежности
В соболином притихшем лесу.
И весеннее чудо, подснежники,
На коленях тебе поднесу.

* * *

В белый бубен бьет буран.
Солнце —
 цвета спелой меди —
Ледовитый океан
Вынес на руках
 на ветер.
Он благословляет в путь,
К Полюсу,
 своих героев.
Где отважным отдохнуть? —
Всюду ледяные горы.
Но идут они в буран,
Сила духа —
 их спасенье.
Белый бубен вдохновенно
Салютует их шагам.

* * *

Язычник мудрый —
потому
Священность к женщине питаю,
Руками скульптора ласкаю,
В цветы и травы опускаю,
Потом летим мы в вышину.
Летим.
«Оставь меня одну, —
сказала ты, —
я словно птица
Хочу свободой насладиться,
К тебе успею возвратиться,
Когда почувствую вину».
Зачем же согласился я,
Сказав: «Лети, моя родная.
И озорная, и хмельная,
Ты можешь стать забавой рая,
Забыв на время про меня...»
Наивный, страстный, жду тебя,
Чтоб повторить любви мгновенье
На той меже благословенной,
Где мы в объятьях, без стеснения,
Открылись миру — ты и я.
И на сомнения мои
Явилась ты с улыбкой странной,
Сказала с легкостью обманной:
«Свободы напилась дурманной,
Остался пепел от любви».

* * *

*На морозной улице я встретил девушку,
чем-то похожую на озябшую птичку.*

(От автора)

Ты словно подмороженная птичка,
Которая сложила крылья,
чтоб
По давней и спасительной привычке
Нырнуть, как в шубу белую,
в сугроб.
Ты испытала первую измену,
Ты на людей глядишь исподтишка.
О, как вернуть восторженную веру,
Когда в душе огнем горит тоска?!
Сегодня не найти тебе участия
Ни у друзей, ни даже у небес.
И только мать...
В ее волшебной власти
Согреть тебя,
поднять упавший крест
Твоей Судьбы:
«Держи, моя родная,
И помни — праздник жизни впереди...»
И девушка идет, как верба мая,
И тает лед безверия в груди.

* * *

Не спешите, друзья, расставаться.

Только скажешь — прощай, —

и закат

Повелит на разлуку обняться,

Вы уже не вернетесь назад.

Но ушла ты в простор торопливо,

К шалой воле, к разгульным страстям.

Стало радуге чуткой тоскливо,

Знак к отлету дала лебедям.

Я узнал —

ты угасла внезапно.

Но услышало небо: прости...

Мне теперь остается обратно

В край прощальный на муки уйти.

Не спешите, друзья, расставаться,

Рвать незримую нитку сердец...

Если б снова могли повстречаться,

То, седые, пошли под венец.

* * *

Мы ждем вас. Где вы, глухари?
Дорога в Шапшу¹ чуть в тумане.
Багряный краешек зари
Сегодня разгорелся рано.
Но почему полета нет
Ни косача и ни тетерки?
Им вкусный завтрак шлет рассвет,
И гальки, посмотрите, сколько!
Кедрач, постанывая, спит,
Храня умаянные тропы.
Глухарь, смеясь, сейчас глядит
Из-под ветвей смурной чащобы.
Он чует непогоды мрак,
Он видит наши передвижки,
И мнит,
 что человек — чудак,
Хвастлив, самоуверен слишком.
От этих слабостей его,
Видать, никто уж не излечит...
В машине нам тепло, легко,
И мы ведем смешные речи.

¹Шапша — название деревни.

* * *

Февраль ликует в кедраче,
На ветки лихо снег бросает,
Дороги-тропки заметаает,
Глухаркам гальки собирает
В незамерзающем ручье.
И фея Юча — дочь тайги —
Спешит спасительно в избушку
Испить чайку хмельного кружку
Под улюлюканье пурги.
Февраль зовет ее к себе, —
Мол, я секреты счастья знаю.
И слышит: «Лучше выпей чаю.
Мне хорошо в своем жильье».
Февраль, шалун и говорун,
Избушку снегом засыпает,
При этом звонко напевает,
Звучит, наверно, двести струн.

Моя поляна

Моя семейная поляна
В долине тихой кедрача.
Пенек, похожий на грача,
На кедре — ножевая рана.
Цветет у корня земляника.
Следы далекого костра
Замыли влага и ветра.
Не слышно Илиного крика:
— Иван, иди скорей! Смотри-ка...
На ветке там кедровка хнычет,
И сыновьям смешно над ней.
Летает белка меж ветвей,
Стремится соболь к ней, к добыче...
И смеха Твоего не слышно,
Он в небо улетел, видать.
Поет о вечном кедров рать.
И знаю —
я не стал им лишним.
О, дивный мир Природы милой!
Хожу сюда уже один,
Я грустью кедры освятил.
Поляну помню я счастливой.

Рябиновый пир

На пир рябиновый спешите, сойки,
Опять леса рубиново горят.
И песню осени прощально спойте
На пне багряном посреди опят.
Спешите же скорей,
Пока мерцают,
Как угольки костра, плоды рябин,
Пока на скрипках иволги играют...
А кто-то по тропе идет один.
Наверно, я.
Кому же быть другому.
Прощанье чую, вот и в лес спешу.
Я приобщаюсь к празднику лесному,
Огня рябины я у птиц прошу.
И пир горой,
И хочется с улыбкой
Обнять рябину и сказать: «Споем...»
Бей, дятел, в барабан!
Плачь, иволга, как скрипка!
На пир рябиновый мы всех зовем.

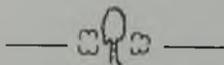

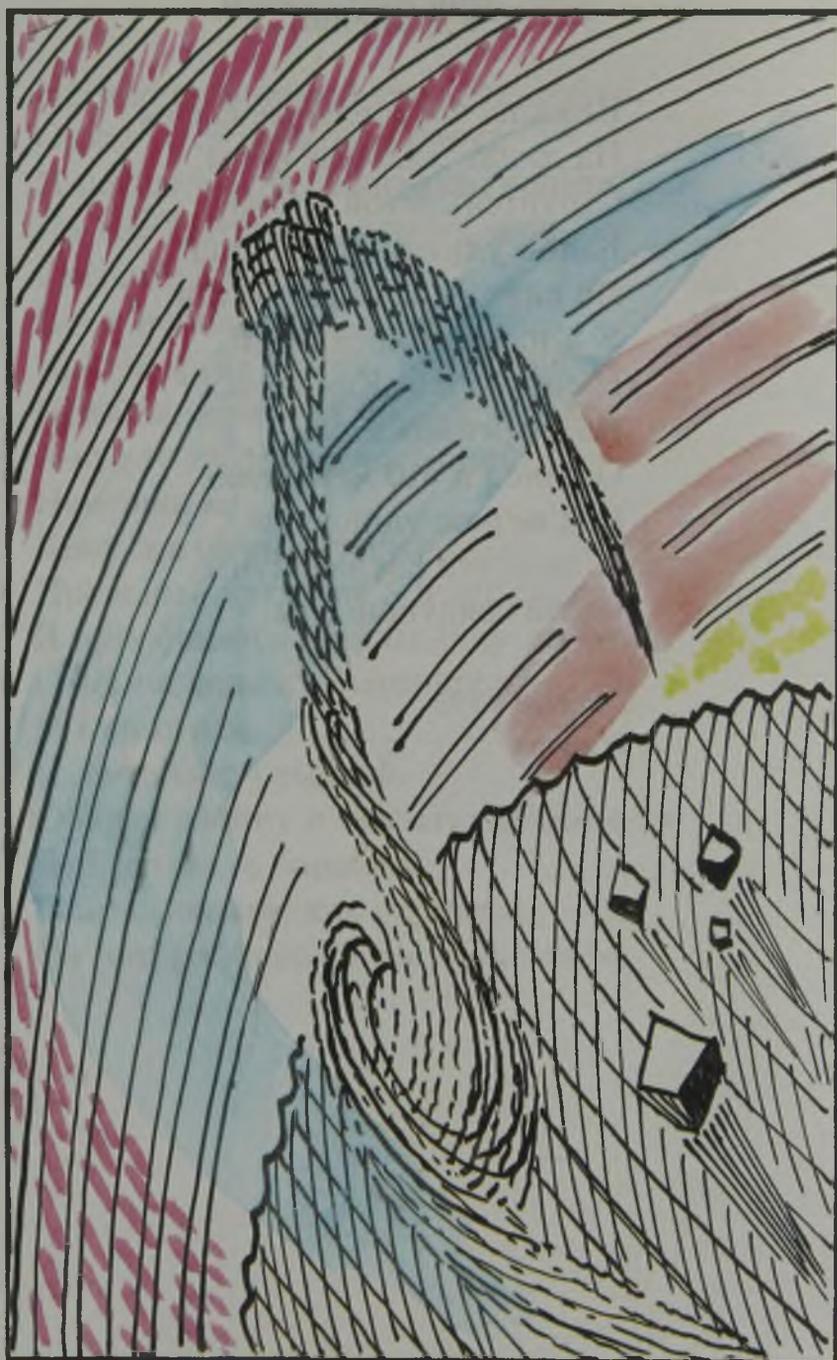
Удивление

Влажны корабельные сосны,
На липах лиловые росы.
Струится густой аромат.
Какой удивительный лад!
На елях — веселые белки,
У этих свои посиделки.
И соткан над Камою мост
Из георгинов и роз.
Останется это мгновение
Как вечное удивление.
И пишутся светом Луны
Поэта грядущие сны.

Август 1999

Ижевск

**ОРАНЖЕВЫЙ
ОСТРОВ
СПАСЕНИЯ**

ОРАНЖЕВЫЙ ОСТРОВ СПАСЕНИЯ

(романтическая поэма)

От автора

20 июля 1969 года американские астронавты Нейл Армстронг и Эдвин Олдрин ступили на Луну. Сказка стала былью. Мир ликовал. Моя страна молчала.

Я был в восторге как человек и поэт. И неожиданно родился замысел поэмы, которую я закончил в октябре того же года. Поэма называлась «Оранжевый остров спасения». Это произведение — своеобразный душевный отклик на великие события в космосе и трагические — на Земле.

В главе «Дороги к звездам» я рассказываю о первооткрывателе космоса Юрии Гагарине и о лунном героическом экипаже «Аполлон-11».

Поэма была опубликована в Ханты-Мансийской окружной газете «Ленинская правда». А через год в мой адрес пришла благодарственная открытка из Хьюстона с фотографией американских астронавтов экипажа «Аполлона-13». Почему именно этого экипажа? — я не понимаю и сейчас. Правда, знающие люди говорят, что в обстановке «холодной войны» обмен открытки мог произойти по дороге, в соответствующих органах СССР.

Администратор НАСА О.Рейн писал: «Таким образом я благодарю Вас от имени Джеймса Ловелла, Джека Свигарта и Фреда Хайса и НАСА за послание, посвященное полету «Аполлона-13», выполнившего свою миссию ко всеобщей радости.

Этот полет потребовал от человека умения и мужества. И мы всегда будем помнить о Вашем послании-стихотворении, в котором Вы выражаете свое восхищение нашим полетом».

*Экипаж «Аполлона-13»: Джеймс Ловелл,
Джек Свигарт, Фред Хайс.*

Глава I

РЕШИМОСТЬ

Бунтуй, великий Тихий океан!
Враждебные миры между тобой
Стоят, грозя друг другу кулаками.
Ты, как Христос, распят между мирами.
И я с тобой живу — листок Природы,
Я, буревестники и альбатросы,
И стрелами наполненные грозы.
В легендах древних, как земля мансийцев,
Бессмертны строки вот об этих грозах:
Весна берет колчаны золотые,
Лежат в колчанах стрелы громовые,
И с первым громом по велению Бога
Те рушатся деревья, что ветвями
Людей жестоких в бурю укрывали.
Те грозы справедливые со мной.
Бунтуй, Великий океан, бунтуй!
Моя решимость бьется, будто птица,
Она — Клааса пепел —
В грудь стучится.
Сомненья прочь!
Скорей в дорогу, сердце!
Я выбираю тяжкий путь боренья,
Я превращу в цветы Земли каменья.
Икар я беспокойного столетья,

Столетия радостных надежд народов.
Мне крылья для полета чувства дали,
Мне досягаемы любые дали.
Прозренье, здравствуй!
Я ценю мгновенье.
И улетел.
Ступил я на каменья
Оранжевого острова спасенья.
Я этот остров мысленно увидел
В картинах дивных Рокуэлла Кента,
Увидел остров в час исповедальный.
Я улетел на остров дальний-дальний.
Гремит моя мотыга неустанно.
Я в сад зеленый превращу каменья
Оранжевого острова спасенья.
Ночами из-за горизонта пламя
Зловеще дышит в звездное пространство.
Идет война.
Больной атолл Бикини,
Твоя судьба иною станет ныне,
Коль хватит сил в моих руках и сердце
В цветы, в деревья обратить каменья
Оранжевого острова спасенья.
Гремит мотыга.
Слушают дельфины
И грозы, приутихшие до срока,
Мотыги звон.
И, позабыв о страхе,
Плывут сюда с атоллов черепахи,
И кружат альбатросы надо мною.

Взволнованно — видать, болит душа —
Вздыхают волны, гальку вороша.
Гремит мотыга.
В шрамах все лицо.
О, боже мой, как больно бьют осколки!
Но прорастает за ростком росток,
Где капля крови пала на песок.
Гремит мотыга.
Ветер раны лижет
Шершавым и прохладным языком.
Природа сыну шлет зеленый гром.
Я воду пью из клювов альбатросов,
Дельфины живность на берег кидают...
Гремит мотыга.
Близок день цветенья
Оранжевого острова спасенья.
Гремит мотыга.
Дождь осколков льется.
Но мук моих
Моя мечта сильнее —
Спасти от бед и горестей людей.

Глава II

ДОРОГИ К ЗВЕЗДАМ

На Земле восторгов буря,
Праздник на Земле у всех:

В космосе Гагарин Юрий —
Бог и просто человек.
Ветвь березы он целует,
Чувству грусти удивлен.
Землю грешную, родную,
Как с ладони, видит он —
Зори, радуги и ночи.
Наяву,
Но, как во сне,
Видит крохотную точку —
Свой скворечник на сосне.
Видит он моря и страны.
И планета лишь ему,
Как на исповеди, тайны
Открывает одному.

И для землян, познавших вознесенье,
Он в этот миг
Был островом спасенья.

И не ради славы, денег
Олдрин, Коллинз и Армстронг
Были символом спасенья,
Были знаком восхищенья:
К лунным тайнам,
К лунным камням
Их корабль пробиться смог.
Пылью черною покрыта,
Станет чем для нас Луна?
Будто бомбами изрыта,
И глуха, мертва она.

И тревожны в сердце думы.
Не секунды —
мчат года.

Над равниною угрюмой
Запоет скворец когда?
И когда у этих черных
Опечаленных холмов
Потеплеют чьи-то взоры
От оранжевых цветов?
И сказали три героя:
— Мы открыли Тишину,
Эти кратеры и горы...
Люди, дарим вам Луну.
И светло, и вдохновенно
Говорит моя страна:
— Станет островом спасенья
Эта черная Луна.

Глава III

ГОЛОС ПРИРОДЫ

Природы голос жив в любом из нас.
С побегов, что проклюнулись, как мысли,
Ты не спускаешь удивленных глаз,
Зеленых глаз, сродни которым листья.

Глава IV

ОРАНЖЕВЫЙ ОСТРОВ СПАСЕНИЯ

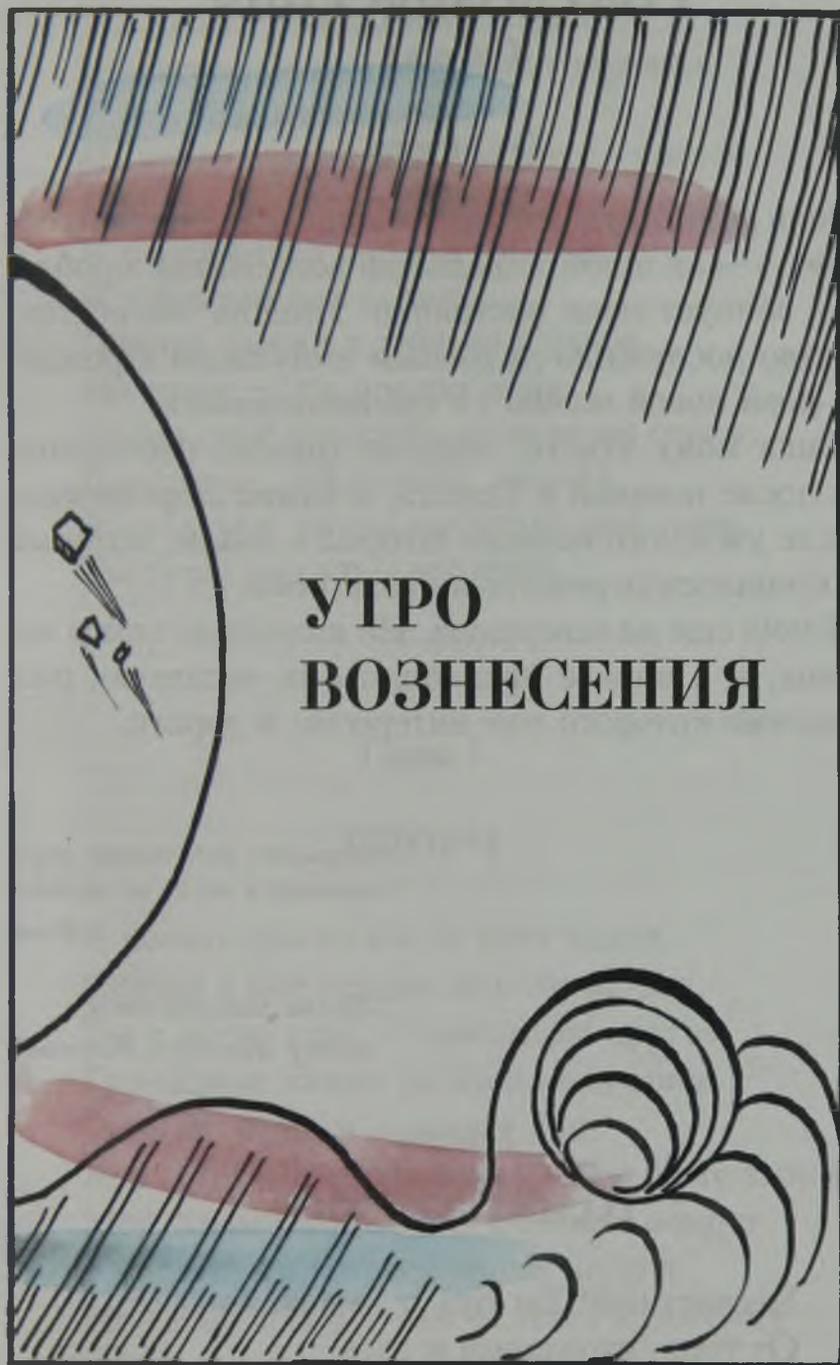
Лучами-ожерельями восход
Гладь океана ласково погладил —
И отступили за атоллы тучи,
И остров обозначился цветущий,
Как в жаркий день среди песков оазис.
Я этот остров, люди, вам дарю
Как радость милосердную свою.
Прибой звенит, как санквалтап¹ мансийца,
Он славит долгожданный день рожденья
Оранжевого острова спасенья.
Надежно остров волны берегут,
И не проникнуть злу сюда вовек.
Душевное найдете исцеленье
Вы, павшие в объятия сомнений.
Мечтатели двадцатого столетья,
Мы ошибались,
Но ни в чем не лгали,
Мы истинам высоким присягали,
Мы острова спасенья открывали.
Есть острова спасенья в мире, люди.
Но вся Земля, когда спасеньем будет?!

¹ Санквалтап — мансийский музыкальный инструмент.

*Экипаж «Аполлона-11»: Нейл Армстронг,
Джеймс Коллинз, Эдвин Олдрин.*

**УТРО
ВОЗНЕСЕНИЯ**

УТРО ВОЗНЕСЕНИЯ

(поэма)

От автора

Роль поэта, художника в жизни современного общества — как принципиальный вопрос, как проблема — волнует меня постоянно. Именно это обстоятельство послужило духовным импульсом к рождению моей новой поэмы «Утро вознесения».

Чаша моих чувств, образно говоря, переполнилась после поездки в Тамань, в домик Лермонтова, и после ужасного ночного шторма в Анапе, который мне пришлось пережить по воле рока.

Поэма еще не завершена. Но ключевые главы написаны, и я вправе предложить их читателю, размышления которого мне интересны и дороги.

*Заглушить рокотание моря
Соловьиная песнь не вольна!*

А.Блок

*Поэма посвящается
поэту Виктору Жорнику*

Эпилог

ГОЛОС КОСМОСА

Несчастный! Ты Бухту затишья искал
От горя, страданий и слез?

Среди голубых и оранжевых скал
Ты Храм удовольствий вознес.
В разгуле бездумном проходят часы,
И что тебе горе людей!
Не чуешь, не видишь движенье грозы
По воле бессмертной моей.
И снова бокал наполняют тебе.
И я говорю как судья:
Поэтом назвал я тебя по Судьбе,
Но вижу — ты предал меня.
Позор свой погасишь душевным огнем,
Прозренья, заблудший, познай.
Застольные звоны заглушит мой гром.
Ты бурю под утро встречай.

Глава I

ШТОРМ

Я ночью проснулся от рева валов,
Стучал в мое сердце неистовый зов.
Ты к морю иди! — грохотало кругом.
Громадные камни разбрасывал гром.
Рыдали деревья и, падая ниц,
Кричали: «Преступник!» — при свете зарниц.
Мой Храм содрогался. Стенали вокруг
Ужасные маски вчерашних подруг.
Мой радужный кубок взлетел к потолку

И... бликами света истек по стеклу.
Не помня себя, — только знала душа —
Я выбежал в ночь, потрясенно дрожа.
Ударили молнии, белым слепя.
О, Господи! — крик проглотил я в себя.
Разумная сила меня подняла
И бросила к дубу, нарочно спасла.
Качалась у кручи земля подо мной.
Я к дубу прижался прощально душой.
Ревела, рычала стихия воды.
Знобило от страшной ее красоты.
От молний пожар во Вселенной пылал,
И, к тучам вздымаясь, накатывал вал.
Шли белые горы, крича на меня.
Малюсенькой пташкой казался им я.
Но, видимо, что-то я значил для них,
Коль нужен был им мой задумчивый стих.
И снова я голос услышал небес:
«Тебе неуютно, наверное, здесь?
Ты хочешь, конечно, в свой розовый Храм,
К вину и бесстыдным холеным телам?
Но я тебе дам только соли глоток.
На пользу пойдет тебе этот урок.
Я волю даю справедливым громам».
И с грохотом рухнул мой розовый Храм.
Почудилось —

падаю я между скал...

Вселенский орган рокотал, грохотал...
Очнулся я, видимо, от тишины,
От ласковых звуков прибрежной волны.

И дуб — мой спаситель

стоит чуть живой.

Лежу я, как прежде, прижавшись душой
К прохладной и пряной от ливней коре.
Родился я заново в мир на заре.
Повсюду обломки деревьев, колонн.
Сквозь трещину в тверди послышался стон.
О, боги! Мой Храм проглотила земля.
А камни — насмешка того бытия.
Но что это? Посох и рядом сума.
Я понял — она мне с намеком дана.
На посохе надпись — Всевышнего труд:
«Нас тени великих на встречу зовут».
Взяв посох, суму, я спустился к волне,
Я верил, что тайна откроется мне.
И вот он, баркас,
как истории дань.
На парусе буквы сияют — Тамань.
Я замер. Я верю давно в чудеса,
Вы парус прислали за мной, небеса.
В Тамани мятежный поэт меня ждет.
Скорее, скорее в желанный поход.

Глава II

ВСТРЕЧА С ЛЕРМОНТОВЫМ

Вместо эпитафии:

*У жизни есть горькая мука,
Когда ты совсем одинок.
Но есть и бессмертие духа,
Бессмертье небесных дорог.*

*Но сердце сильнее рассудка.
Оно чувствует
и находит вдалеке родные тени...*

В.И.Лихопосов. «Осень в Тамани»

*Я взошел в хату...
В разбитое стекло врывался
морской ветер...*

М.Ю.Лермонтов. «Тамань»

Сегодня в окошко не дует,
Здесь новое светит стекло.
И ветер на крыше почует,
Ему, сироте, все равно.
Когда затихает округа, —
Из туч выплывает луна.
Она освещает лачугу,
Баркас озаряет она.
Он — вестник далекий у кручи,
Полощется парус над ним.
Выходит на берег поручик,
Тревогою тайной гоним.
Идет он в знакомую хату —
Две лавки, и стол, и сундук.
Ему дописать что-то надо,

Веду не о том свою речь.
В одном мы покоя не знали —
Отчизну от бед уберечь.
Я вижу — вы ждете совета?
Даю вам: себя не предай.
И страсть к совершенству поэта
От недругов оберегай.
И лжи, и распутства, и лести
Повсюду расставлена сеть.
Нет выше и долга, и чести —
В атаке за Русь умереть.
Ах, память! К минувшему — верность.
Под музыку движется рать...
Фанагорийскую крепость
Хотелось бы мне повидать...

Пожар разгорался рассвета,
Сияли огнем небеса.
И поднял я вновь на поэта
Печальные в думе глаза.
Но вижу я рыжую кручу,
И краба смешного в воде.
Куда подевался поручик?
Баркас его парусный где?
Какая-то лодка мелькнула
И в розовом скрылась дыму.
И вспыхнуло тотчас светило,
И горько стоять одному.
По-прежнему празднично небо.
И голос поэта слышать:
Фанагорийскую крепость
Хотелось бы мне повидать...

СОДЕРЖАНИЕ

Ошибка Афанасия Фета (*очерк К.Яковлева*) 4

ХРАМ ВОЗДУХА

(стихи)

Ночами трепетны леса...	12
Мольба к Богу	13
Красные камни	14
Веселый дождь	15
Эльбрус	16
К Лермонтову	17
Рерих	18
На Балатоне	19
Озера Веленце лик темнеет...	20
Сын гармонии	21
Взаимосвязь	22
Один...	23
Возвращение	24
День Пророка	26
Ты ангельски глядишь в меня...	27
Ночью	28
После ночного дождика	29
Храм воздуха	30
Зов неба	31
О, сколько выстраданных слов...	32
В непогоду	33
Мелодия августа	34
Этюд из Долины ручьев	35
Куда вы, куда улетели...	36
Наедине с воспоминаьями...	37
Сказка моя о летучем олене...	38

Море	39
Шторм на Черном море	40
В том порту...	41
Ночь в станице	42
Здравствуй, август...	43
К маме	44
Красный шепот рябины...	45
Поющие молнии	46
Бывает день...	47
Позиция	48
Прохлада дороги ночной...	49

НА РАЗВИЛКЕ ДОРОГ

(Стихи)

Видать, я от Бога отрекся...	52
День ушел в тайгу...	54
Ночная картина	55
Крутояр	56
Я был в мечтах...	57
Христианин я и язычник...	58
Поплакать надо над собой...	59
Ветка вербы с горы Алханая...	60
Покаяние	61
Тебя, столица, покидаю...	63
Как понять нам человека?..	65
Голос Марса	66
Бесовский лес	68
К жене	70
Памяти В.Высоцкого	70
Маскарад	71
В мире Природы нет лишних...	72
Первые поэты	73
Ожидание	75

Бабник	76
Материнские сосны	77
В грозу	78
Тайну упавшего дерева...	79
Дождливая ночь августа	81
Сургутский парк	82
Наследник Лермонтова я...	83
Наверно, я парень-рубаха...	84
Предосенье	85
Бунтари	86
Казымская элегия	87
Была ты нежною дворянкой...	88
Барсук	89
В предновогоднюю ночь	90
В Тюмени яблони цветут...	91
Куда зовете, снегири?..	92
Спор	93

ПЕСНИ ОСЕННЕГО ОЗЕРА

(Стихи)

На Ендырском озере пляшут валы...	96
Рассказ егеря	97
Болото	99
Ранняя осень	100
Дядя Сапа	101
Эринтур	103
К озеру	104
У тетерок есть своя поляна...	105
Ночной рыбак	106
Август	108
Ворон	109
Осенние грибы, как черепашки...	110
Вокруг моих священных кедров...	111

Ночь...	113
Право Природы	114
Таежное	115
От зноя — марево окрест...	117
Сентябрь	119
Осенняя элегия	120
Иду, распахнув свою душу...	121

СНЕЖНАЯ СИМФОНИЯ

(Стихи)

Парус	124
Первый снег	125
Песня жениха	126
Снежный танец	127
Мятеж зодчих	128
Ради новых ошибок живу...	129
Исповедь таежника	130
Важенка	131
Белый май	132
Гармония утра	133
Березово	134
Фанагорийцы	136
Осенний вальс	138
Явись, ромашковое поле...	139
Люблю бушующее море...	140
Читаю грусть в глазах баклана...	141
Признание станичного казака	142
Новый Диоген	144
День прощенья	146
Где ты, Аманья моя?..	148
Эх, новый купец!..	149
Гулящая	150
Не вспоминай	151

Гляжу с троны...	152
Мелодия Балатона	153
Голубые ели Киселоводска...	154
Снежная симфония	155
Мои деревья	156
Исповедь вора	158
Прощай, моя шальная жизнь!	159
Мотив лугового пырея	160
Ночной кедровник	161
Монолог охотника	162
Я — частица природы летучей...	163
Странное безмолвие лесов...	164
Белая ночь	165
Я жил в раю...	166
Озерная сосна Suomi...	167
Дни грядут голубые и талые...	168
В белый бубен бьет буран...	169
Язычник мудрый...	170
Ты словно подмороженная птичка...	171
Не спешите, друзья, расставаться...	172
Мы ждем вас...	173
Февраль ликует в кедраче...	174
Моя поляна	175
Рябиновый шир	176
Удивление	177

ПОЭМЫ

Оранжевый остров спасения	180
Утро вознесения	192

Андрей Тарханов
СНЕЖНАЯ СИМФОНИЯ

Стихи

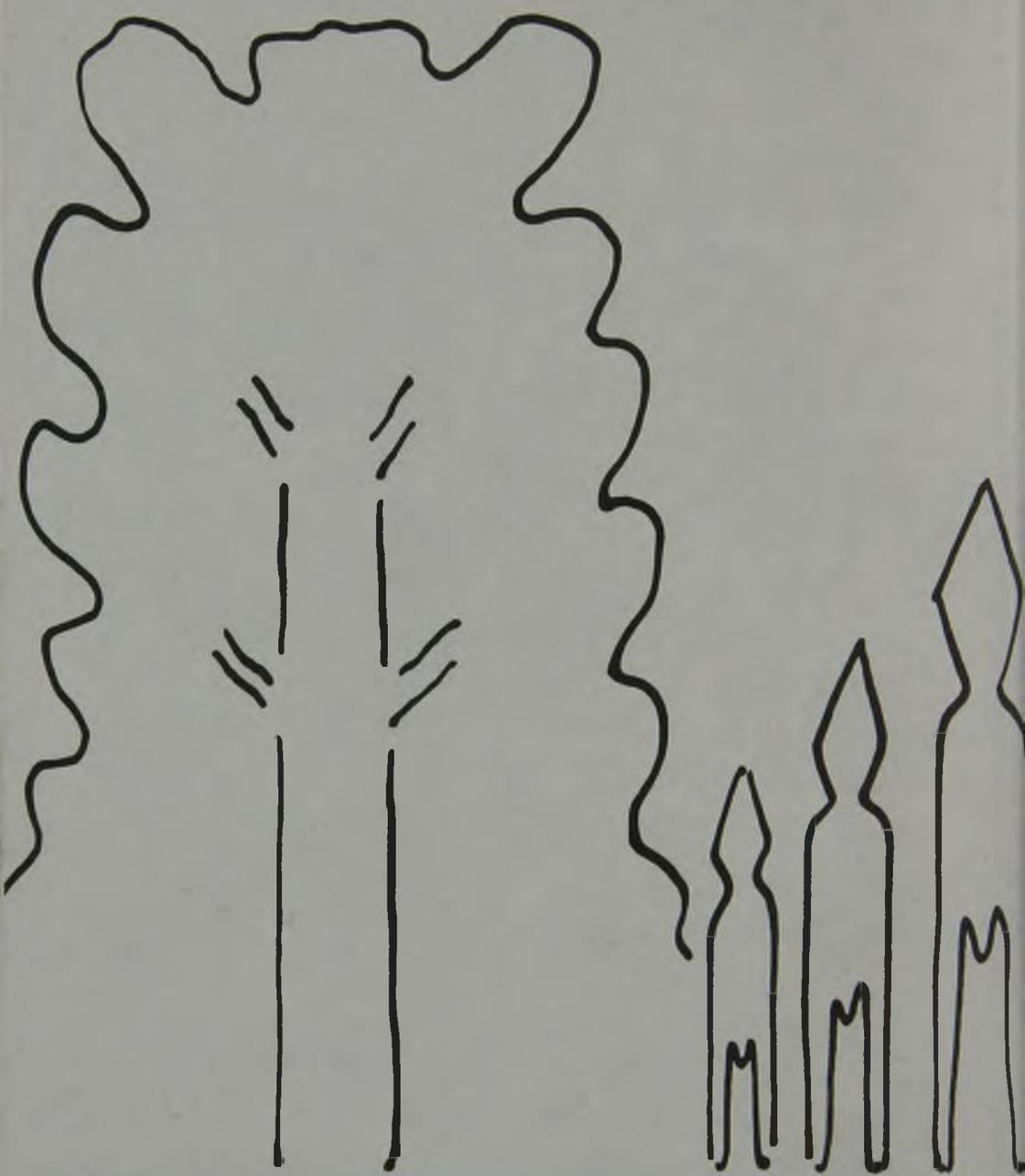
Редактор Г.Хорос
Художественный редактор Г.Райшев
Технический редактор Н.Худякова
Корректор Т.Усманова

Оригинал-макет, набор, верстка, цветоделение
и печать выполнены ГУИПП «Полиграфист».

Изд. лиц. ЛР № 040869 от 14.01.98 г. Сдано в набор 12.11.99 г.
Подписано в печать 03.03.2000 г. Формат 80x100/32. Бумага «Зум».
Гарнитура «Peterburg». Печать офсетная.
Усл. печ. л. 9,43. Тираж 2000 экз. Заказ № 286.

ГУИПП «Полиграфист»
Ханты-Мансийский автономный округ Тюменской области,
628012, г. Ханты-Мансийск, ул. Мира, 46.
Тел. 3-29-84

74672004
Окружная библиотека

